

Орхан ГУЛИЕВ

Книга души

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Орхан Гулиев

КНИГА ДУШ

«Автор»

2026

Гулиев О.

КНИГА ДУШ / О. Гулиев — «Автор», 2026

Она мечтала о тишине. О старом доме вдали от людей, где можно спрятаться от прошлого. Он хотел подарить ей этот мир Санни Кокс следовательно с тёмным прошлым и чутьём на человеческую ложь, берётся за странное дело. Он ищет истину — но чем глубже погружается в прошлое, тем сильнее увязает в мистике, которая стирает грань между мирами в истории о любви и расплате за попытку переиграть судьбу. Роман о том, как легко переступить черту, когда очень хочешь всё изменить. О любви, которая спасает и разрушает. О выборе, который каждый делает сам — и о том, что за него придётся ответить. Одни желания сбываются. За другие приходится платить. И, возможно, самая страшная цена — не смерть. А то, что ты узнаешь о себе, когда заглянешь в бездну чужих душ и увидишь там своё отражение. «Книга душ» — роман о тонкой грани между любовью и одержимостью, верой и соблазном, искуплением и падением. Роман издан в 2014 году. Переиздан в расширенной версии в 2017.

© Гулиев О., 2026

© Автор, 2026

Содержание

.	5
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Орхан Гулиев

КНИГА ДУШ

•

ББК 84(2Рос-Рус)6-4

Гулиев О.

Книга душ : роман / Орхан Гулиев. – Владикавказ : Издательство “Литера”

ИП Цопанова А.Ю., 2017. – 444 с.

ISBN 978-5-00081-145-0

Молодой следователь-криминалист, в силу трагических обстоятельств, сталкивается с мистическими явлениями. Эти невероятные события заставляют его понять, как легко можно уничтожить тонкую грань между этим миром и потусторонним... Ведь люди отвергают многие табу на запретные действия, протаптывая дорожку к разъявленной пасти капкана.

Охраняется законом РФ об авторском праве. Воспроизведение всей книги или любой её части запрещается без письменного разрешения автора. Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

Большая часть размышлений, мыслей, жизненных ситуаций, описанных в романе, взято из жизни близких мне людей. Мама... Она помогла мне взглянуть на мир совсем иными глазами, приведя в пример множество тяжелых людских судеб, показав, тем самым, как человек, через жесткие земные «уроки», поднимается духовно. Я понял, как важно не заикливаться на своих обидах, боли и страданиях, ведя тех, кто находится рядом, потому, что каждый из нас должен отвечать за того, кого им доверил Всевышний, чтобы быть для них верным спутником и укреплять их дух, тем самым находя спасение и себе. Книга дает множество и других ответов на главные вопросы жизни, и каждый для себя найдет в этом романе поучительные выводы.

Часто, по неверию своему или отчаянию, мы отходим с нужного нам пути, и лишь через жесточайшие испытания, при осмыслении своего назначения, через решающие искушения, делаем свой выбор. И, в конце, осознаем, что же от нас требовалось в самом начале нашей дороги. Но, чтобы пройти ее, нужно обязательно преодолеть все эти ухабы и выбоины, зачастую, так неожиданно возникающие непреодолимой ямой, разверзшейся перед вашим изумленным взглядом. Как пройти эту пропасть? В обход – не получится, напрямую – значит, погибнуть... Вернуться? К прошлому возврата нет. Оно разрушено, и кануло в Лету. Тогда что же, остается сесть у этой пропасти и рыдать, подсчитывая свои промахи, что завели тебя на этот путь? А ты уверен, что рассчитаи ты по-другому, твоя дорога была бы иной? Мне кажется, что пути, устланные лепестками, точно не в нашем миру.

Слова моей матери были ответом мне: «Человек может приспосабливаться к любым ситуациям, но сможет ли он прожить без любви? Господь подарил нам самую великую свою благодать – любовь. Не стоит заблуждаться в том, что это великое чувство рождается в нас само собой, потому что мы такие хорошие, и запросто способны любить родителей, ребенка, друга, или просто весь мир. От себя мы ничего не можем. Лишь только находясь в духе с Тем, кто создал нас, мы способны испытать это чувство. Ибо это лишь Его дар. И это я знаю точно!»

Посвящаю всем матерям, сделавшим свой выбор.

Хочу сказать спасибо своей маме. Мамочка, ты для меня всегда будешь и отцом и матерью – ты заменила мне всех! Ты пожертвовала собой во благо родных тебе людей, полностью отдала свою жизнь мне. Ты настоящая мать! Ты святая, и даже твои враги, кусая до крови свои губы, не смогут оспорить это. Никто не оспорит. Зная твою жизнь, все лишь приподнимутся перед тобой, закроют глаза и опустят свои головы – ибо таких, как ты – единицы. Преданных, верующих в добро и стремящихся помочь всем нуждающимся. Верующая в Бога, который послал столько испытаний на твою голову, что иной раз я падал на колени в нашей комнате молитв и, плача, кричал Ему, чтобы Он остановился проверять нас. Не было ни дня, чтобы ты прожила хотя бы минуту для себя. Ты никогда не оставила свой дом и до последнего держишь его фундамент. Ты эталон, пример тем, кто не понимает что такое семья, дети. Всех твоих качеств перечислять придется еще очень долго, и всех не перечислишь, ибо я о них даже не догадываюсь, а ты лишь смиренно закрываешь глаза, оставаясь в тени, своим материнским покровом защищаешь меня, до последнего веря в Бога. До последнего веря в лучшее.

Благодаря твоему терпению, силе духа и вере в меня, я смог донести до людей то, что переполняет мою душу.

Часть первая

Искус

Глаза сфокусированы на еле заметном лице в темноте: черты грубые, но не мужские.

– А-а-а, вот теперь пришли ко мне, Санни Кокс. И до меня очередь дошла. Вот ходят такие непонятные личности кругами... Потом вдруг резко происходят необъяснимые трагедии.

Видна ухмылка.

– Я давно ждала Вас.

Вспыхнуло пламя, осветив лицо.

Изогнутая линия дыма струйкой поднялась ввысь.

– Первый вопрос будет, на удивление, не от Вас, а от меня к Вам. В нем нет угроз, Вы увидите в нем предупреждение. Своим внимательным взглядом Вы уже выдали себя. Я сразу поняла, что все Вам давно ясно, и, осознавая, что Вы не главный герой во всей этой истории, Вы все равно упрямо шагаете вперед, не имея абсолютно никакого понятия, во что, все глубже и глубже, ввязываетесь. Вы пытаетесь найти в моих глазах правду, однако, я вижу в Ваших – лишь желание найти себя. Вы не ведете расследование, а только ищете глубокую занозу в самом себе, и занозе этой – пришло время выйти с гнойным нарывом. Скажите мне, Санни Кокс, перед чем, обычно, встречаешь всех тех, кого уже не надеялся увидеть?

Напряженное молчание, а затем...

– Перед Смертью, – раздался голос, пронзив тишину.

– Я тоже отношусь к числу странных, – ухмыльнулась она. – Истинно верующим всегда бывает трудно. Ко мне уже привыкли. Меня уже не спрашивают, почему я всегда в косынке, почему не ношу брюки, почему не крашусь.

– Причем здесь брюки и косынка? Можно находиться на самом дне, но быть истинно верующим и божьим человеком, которому дается через свое падение понять... КТО ОН. Осознать это все через боль. У Вас все так поверхностно: косынка, брюки... А с большим Вы не

сталкивались? Я могу дать пример, но не буду. Для этого Вам нужно будет увидеть все пути тех, с кем мне пришлось столкнуться, и все это взято из жизни близких мне людей. Не хочу сейчас общаться на эту тему... Мещанство. Оно такое чванливое, не выходящее за рамки своего двора.

– Каждому свое... мистер.

– Хочу сказать за всю ситуацию в целом, окружающую наш бранный мир... У каждого человека наступает тот момент, когда он отправляется в свое плавание, на своем «Титанике». Как часто мы виним себя в том, что поступили неосмотрительно: бросили устоявшееся, кинулись в авантюру... и подвергли себя риску. Но будь мы на месте, не шевелясь, имея даже, какой-никакой, капитал – нас все равно бы настигла волна, до основания стряхнувшая нашу затхлую, заплесневевшую бытность. Ибо каждый из нас (или отмеченный из нас) ждет свой великий «Титаник», несущий нас к мечте, рвущийся навстречу к своему потаенному айсбергу. И все равно, через него, крушащего, крахом выплывающего на твоём пути, через него – к мечте, без которой никуда... на обреченном корабле. Если тебе и удастся пережить столкновение с ледяной глыбой, разящей иллюзорный способ твоего продвижения по жизни, сможешь ли ты потом, пережить уже на благодатной суше, то, что тебе пришлось пройти, смириться с теми потерями, которые у тебя произошли по ходу пребывания на «Титанике»? Не будешь ли ты жалеть, что не остался в холодных парализующих водах, под ледяным айсбергом? Ибо холод этот никогда не покинет твоей души, если ты только не посланник Божий, стремящийся впитать и прочувствовать всю боль человека земного...

– А кто ты? Ты не замечаешь в себе эту странность?

– Элиз, где газета с адресом?

– Она у меня, Гордон! Хватит звонить каждую минуту.

Центр города был застроен высотными зданиями. Возле одного из стеклянно-зеркальных небоскребов стоял автомобиль – маленький голубой минивэн, на который облокотилась девушка с телефоном в руке.

– Здравствуйте, мистер Пирс!

– Здравствуй, Элиз. Приятно видеть тебя и твою сияющую улыбку, – произнес спускающийся по ступенькам мужчина в сюртуке и шляпе. На вид ему было около шестидесяти. В руках была трость, а на воротнике – застарелое пятно. Смены этому потертому костюму у него не было, но его это совсем не смущало.

– Спасибо, мистер Пирс. Вы, как всегда, дарите комплименты.

– Жарко сегодня, не правда ли?

– Погода хорошая, – ответила она. – Да и воскресенье – как раз самое время для прогулок. Мужчина улыбнулся. Позади него распахнулись парадные двери элитного дома.

– Гордон! Давно я тебя не видел!

Гордон быстро преодолел гранитные ступени, ведущие на солнечную улицу, и подошел к мужчине.

– Как поживаете?

– А как поживают в моем возрасте? Что-нибудь да болит, наверное, на погоду.

– Все будет хорошо! Просто чаще выходите на прогулку. Элиз, ты взяла их адрес?

– Я же сказала: да.

– Отлично. Ну, тогда поехали. Счастливого дня, мистер Пирс!

– И вам того же! – ответил старик, направившись вниз по тротуару.

Гордон обошел машину и открыл переднюю дверь.

– Не мешкай, Элиз. Мы не должны опоздать.

– Он подождет, – был дан уверенный ответ.

- Как бы Вы начали эту историю, если бы знали все с самого начала?
- А кто сказал, что я не знаю, Санни Кокс?
- Не хотите ли Вы мне приоткрыть хоть краешек завесы?
- Я не владею талантами рассказчика так, как Вам, возможно, хотелось бы. Я всего лишь анализирую имеющуюся информацию. Затем, история сама приобретает нужные формы и краски, можно сказать, выстраивает дорогу истины, может, кем-то и оспариваемую. Но, как и множество историй, эту историю можно рассказать легко и непринужденно. Так, чтобы в нее сразу можно было влиться. Вы готовы к тому, чтобы ее понять?
- Я пришел именно за этим. Как Вы думаете, с чего все началось?

Глава 1

Покупка

Устав от городской суеты, молодая супружеская пара решила переехать в забытую цивилизацией местность и поселиться в старом доме. Среднего роста, рыжеволосый и худощавый программист Гордон Смит был противоположностью своей эффектной супруги – черноволосой Элиз, нашумевшей модной писательницы. Жесткий расчетливый ум и тонкая романтическая натура редко уживаются друг с другом. Проблема лишь в том, что сразу не определишь, кто есть кто. Но было, все же, одно, что их связывало: оба любили семейный уют вдали от людской толчеи, где они могли создать свой собственный мир.

Встреча с продавцом дома должна была состояться в отдаленной местности, носившей название «Прозрачные Холмы».

- Тебе не кажется подозрительной цена на дом?
- А что не так с ценой?
- Я имею в виду слишком низкую стоимость.
- Лиз, во-первых, дом находится достаточно далеко от центра. И это плюс. Мы всегда о таком мечтали. Во-вторых, дом старый. Это еще один плюс. Ты ведь всегда хотела жить в старом, даже древнем доме. И потом, все эти твои увлечения таинственным и загадочным... Ретро – твоя стихия. И, в-третьих, продавцу срочно нужны деньги.
- Я не уверена в нем, – с заминкой сказала Элизабет, – я просто подумала, – может, он мошенник, потому и хочет быстрее продать это «чудо». Как бы мы не влипли в историю. Сейчас так много нечестных людей.
- Мы все равно все разузнаем и проверим. Давай пока посмотрим, может, дом чересчур древний.

– Ну что ж, быть посему.

Неровная дорога то и дело подбрасывала машину на ухабах. Вокруг все выглядело мрачно и жутковато. Сплошной густой лес окружал территорию с обеих сторон. Не без труда найдя особняк, Гордон остановил машину и сказал:

– Вот и приехали.

До ближайшего соседнего дома была добрая миля. Супруги вышли из машины, захлопнув двери.

– Ну и как вам райончик?

– Неплохо, – ответила Элиз, явно соврав. Лицо ее было растерянным.

Оба направились к дому. Пряча ключи в карман, Гордон с видимым напряжением оглянулся назад. Вокруг была мертвая тишина. Дом напоминал старый замок с коваными решетками на окнах, а крышу подпирали старинные статуи химер, выточенные из гранита.

Подойдя к порогу старинного особняка, Гордон постучал в дверь. На стук никто не отозвался. Он продолжал настойчиво стучать.

– Странно.

– Может, никого нет?– произнесла Элизабет.

– Не волнуйся, сейчас кто-нибудь выйдет, – успокоил он ее, потянувшись к двери, чтобы постучаться еще раз.

Не успел он этого сделать, как за дверью раздались тяжелые шаги, и скрип открывающихся замков заставил отдернуть руку.

За широко распахнувшейся дверью стоял темнокожий мужчина средних лет. Он улыбался, всем своим видом выражая радушие.

– Здравствуйте, вы к кому?

– Мы по объявлению, – ответила Элиз.

– Так это с вами я договаривался о встрече?..

– Да, это мы, – не дав договорить незнакомцу, Гордон обернулся в сторону машины.

– Входите, я вас ждал.

Они переступили порог...

Внутри дом выглядел менее мрачно, чем снаружи. Большой камин, высокая лестница, ведущая на второй этаж. Озираясь по сторонам, Элизабет сказала:

– Тут неплохо. Я всегда мечтала о такой обстановке. Я очень люблю старину и все, что с этим связано.

– Тогда это Ваше место. Вещи можете повесить здесь.

Он указал на место в нише. После того, как супруги повесили верхнюю одежду, мужчина любезно обратился к ним:

– Чувствуйте себя как дома.

Все рассмеялись, разрядив обстановку.

– Что-нибудь будете пить – чай, кофе?

– Нет, спасибо, – ответила Элиз.

– А я, пожалуй, выпью чай. Если это Вас не затруднит, – обратился Гордон к мужчине.

– Нет, несколько не затруднит. Вы располагайтесь. Если хотите, можно у камина. Я вас пока оставлю ненадолго.

Они сели на скрипучие стулья, стоящие вокруг большого стола.

– Площадь большая. По крайней мере, в гостиной, – обвел взглядом комнату Гордон.

– Неплохо, – пробормотала Элизабет.

Через пару минут темнокожий мужчина вернулся. В руках у него был поднос с серебряным чайным сервизом и прозрачной конфетницей, наполненной дольками шоколада.

– А вот и чай. Прощу вас. Я надеюсь, не заставил вас ждать?

– Спасибо, – ответил Гордон, потянувшись за чашкой.

Присев на соседний стул, мужчина завел беседу:

– Ну, давайте знакомиться. Меня зовут Морган Блэк. Я выступаю от лица владельца дома.

– Я Гордон Смит. А это моя супруга Элизабет.

– Вы красиво смотрите вместе.

– Благодарю.

– Так с чего хотите начать? – отрешенно спросил Морган.

– Можно было бы уже сразу посмотреть дом, – произнесла Элизабет.

– Да, а потом поговорим, – добавил Гордон.

– Естественно. Как Вашей душе угодно, – любезно отозвался Морган.

Элизабет встала. Гордон поставил чашку с чаем на стол, успев попробовать его горький вкус, и тоже встал, машинально отряхнув брюки.

– Ну-с, господа, начнем нашу экскурсию. В доме девять комнат, как вы помните, конечно. Гостиную вы уже посмотрели. Пройдемте дальше.

Морган показал весь первый этаж, где располагалось несколько комнат, плюс ванная, прихожая и огромная белая кухня. Стены внутри дома украшали темные деревянные панели. Идя по коридору, Морган Блэк вдруг разоткровенничался:

– Хозяин хотел здесь сделать большой ремонт, но, увы, не успел. Сын попал в аварию и повредил позвоночник. И теперь срочно нужны деньги на операцию. Я, если по секрету, не вдавался в подробности, сколько нужно денег. Но, по-моему, немало. Раз он продает свой единственный дом, да и еще поехал в другой штат, чтобы просить у кого-то займы...

– Да, это самое ужасное, когда что-то происходит с твоим ребенком, – грустным голосом откликнулась Элизабет.

– А как его звать? – спросил Гордон.

– Кого? Сына хозяина? – уточнил Морган.

– Нет, самого хозяина.

– Джордж. Мистер Джордж Митчелл. После этого случая он сильно изменился. Ходит, словно призрак.

– Бедный человек, – сказала с сочувствием Элизабет.

– Да... ну что ж поделаешь, всякое в жизни бывает, – ответил Морган.

Войдя в ванную комнату, он продолжил:

– Хозяин успел оборудовать ванную по последней моде.

Широкие стены ванной комнаты были покрыты кафелем цвета малахита.

– Да, чуть не забыл. Еще Мистер Митчелл сделал зеркальные потолки в спальне. Он очень любит зеркала.

– Какое совпадение, – удивленно произнес Гордон, – Я тоже люблю зеркала – всю жизнь мечтал о зеркальном потолке.

– Мечты сбываются, друг мой...

После того, как весь первый этаж был обойден, Морган предложил пройти на второй. Поднимаясь по лестнице, они слышали скрип старых ступенек.

– А она не развалится? – спросила Элизабет.

– Еще вас переживет. Но, если хотите, можно будет сделать лестницу поновей. Это уже на ваше усмотрение. Не смотрите, что дом старый, он прочнее, чем все эти новые модные «бунгало». Я сам работал в этой сфере. Если бы вы знали, из чего сейчас лепят дома, – произнес он, брезгливо передернувшись. – Ужас!

Они осмотрели детскую и еще три комнаты. Все было в отличном состоянии.

– Ну вот, теперь посмотрите на вашу мечту. Мы заходим в спальню, – Морган открыл дверь и включил свет. – Вуаля!

Спальня была огромна. Посередине красовалась большая двуспальная кровать, по бокам – две тумбочки с красивыми бра над ними, а массивный платяной шкаф изысканно подчеркивал этот комплект. В зеркальном потолке отражалась вся эта старинная тяжелая мебель с красивой резьбой.

– Вы ведь знаете, что дом продается со всем, что здесь находится?

– Да, мы в курсе, – ответил Гордон.

– Тогда это хорошо.

– Мы проходили вторую комнату, и я заметила лестницу. Она ведет на чердак? – спросила Элизабет.

– Да, Вы не ошиблись, там есть чердак.

– Можно будет взглянуть?

– Конечно.

В лучах закатного солнца все трое направились к чердаку. Там было темно, как в пещере. Все, что они смогли разглядеть, – это лишь маленькое окошко на другом конце чердака; туск-

лый свет отчаянно пробивался сквозь паутину и пыль, толстым слоем покрывавшей стекла. Морган начал суетиться и что-то искать.

– Здесь где-то должен быть выключатель.

– Нашел, – Гордон попытался включить свет, но ничего не выходило.

– Наверное, лампочка перегорела, – сказал Морган. – Но чердак очень вместительный и большой. Крыша не протекает.

– Жаль, что свет не горит. А можно посмотреть подвал? – спросила Элиз.

– А... подвал? Хорошо, что напомнили. А то совсем вылетело из головы. Знаете, что вам оставит хозяин?

Возникла неловкая пауза.

– Ну же, угадайте.

– Сдаемся, – поднял руки вверх Гордон.

– Да вы даже не попытались, – Морган улыбнулся. – Ладно, не буду вас мучить. У хозяина в подвале находится совсем новый бильярдный стол.

– Какая прелесть! Я обожаю бильярд, – обрадовалась Элизабет.

– Митчелл его только купил, и тут такой случай... Теперь за полцены отдает его вам. Это уже вошло в стоимость дома.

– Спасибо. Это очень благородный поступок. Наконец моя супруга перестанет таскать меня по бильярдным клубам, – пошутил Гордон.

Все непринужденно рассмеялись.

– Почему вы не продаете дом подороже? – изменившимся тоном задал вопрос Гордон.

– Ну, вы сами знаете, чтобы продать подороже, нужно время, а ситуация такова, что не терпит отлагательств. Без денег никто ничего не сделает, хоть будут умирать у них в ногах.

– Да, – промолвила Элизабет, а потом добавила: – в наше время без денег никуда.

– Увы, мисс. Это всегда было так.

Вскоре они спустились на первый этаж и подошли к незаметной двери под лестницей.

– Ну вот и последний пункт нашего осмотра, – пафосно произнес Морган.

Он открыл дверь подвала и включил свет. Немного сутулясь, начал спускаться по лестнице.

– Осторожно, здесь высокие ступеньки.

Супруги, ничего не ответив, последовали за ним.

– Часть подвала переделана под гараж, – донесся голос Моргана снизу.

– По-моему, в списке переделанных помещений, не было подвала? – настороженно спросил Гордон, переступив последнюю ступеньку лестницы.

– Да, я тоже помню, – поддержала мужа Элизабет.

– Верно. Его изменили предыдущие хозяева, жившие здесь до Джорджа.

– И давно Джордж живет здесь? – поинтересовался Гордон.

– Больше двенадцати лет. Давайте все же осмотрим подвал, – с улыбкой предложил Морган.

Никто не стал возражать. Они начали осматривать темный этаж. Он был большой и почти весь завален старыми ненужными вещами.

– Какой огромный... – удивленно произнесла Элизабет.

– Да, не маленький, – удовлетворенно пробормотал Морган. – Он расположен под всей территорией дома. Не смотрите, что здесь темно и не прибрано. Это все поправимо.

Морган еще говорил и продолжал расхваливать дом, идя впереди всех. За ним шел Гордон, заслушавшись его речей. А все внимание Элизабет привлекла странная настенная картина, которая водружалась поверх заполненной вещами коробки, стоящей в темном углу. Элизабет застыла, пытаясь рассмотреть все детали старой картины: рядом с лежавшим на земле безликим мертвым ребенком (чьи конечности были отрезаны и лежали рядом с туловищем)

стояла девушка в огне – она протягивала руки к затянутому тучами небу. Рот ее искажился в крике, на шее были видны взбухшие вены. На заднем фоне был нарисован дом, в одном из окон которого было видно лицо еще одного ребенка. Глаза ребенка в окне наводили панику, мимика лица была угрожающе-страшной.

Шепот...

Она различила среди монотонного разговора Моргана еле уловимый шепот, когда всматривалась в лицо ребенка на заднем плане картины. Вдруг чья-то рука коснулась ее плеча.

– Элиз, что с тобой?

Вздвигнув, молодая женщина переключила свое внимание на того, кто ее коснулся. Это был муж.

– Мы заговорились и совсем забыли про тебя. Может, ты хочешь выйти, что-нибудь не так?

– Нет, все хорошо.

В этот момент к ним подошел Морган.

– Чьи это вещи?– спросила Элизабет у Моргана, при этом показав рукой в сторону старого хлама.

– Скорее всего, прежних жильцов, – слегка задумавшись, ответил он.– Точно не знаю. Могу сказать лишь одно. Весь дом был просто увешан картинами. Хозяин зачем-то всех их снял и сложил в подвале. Одну из этих картин я решил все-таки повесить, чтобы...

– А где тогда все остальные картины? – спросила Элиз. – Я заметила здесь только одну, довольно странную.

– Они надежно убраны. За ними придут. А эту, что вы заметили, может, оставили по недосмотру.

– Тебя что-то беспокоит? – переспросил Гордон у Элизабет.

– Просто слегка утомилась, – поникшим голосом ответила Элиз.

– Вам принести воды? Если хотите, мы закончим осматривать дом.

– Нет, нет, – тихо отозвалась Элизабет.– Не беспокойтесь. Давайте продолжим.

– Как скажете, – Морган, опустив голову, прошел вперед.

Гордон взял Элиз за руку, и они последовали за Блэком. Элизабет обернулась, чтобы еще раз взглянуть на старую картину. В окне нарисованного дома уже не было видно того страшного ребенка, который смотрел на нее злым взглядом. Элиз еще крепче сжала руку мужа.

Они осмотрели весь подвал, гараж и бильярдную и вскоре поднялись в зал, чтобы договориться насчет сделки. Присели вокруг стола. Морган, скрестив руки, задал вопрос паре:

– Вас все устраивает?

– Вполне, – коротко ответил Гордон.– А тебя, дорогая?– спросил он у рядом сидящей супруги.

– Да, дом мне понравился, – улыбнувшись мужу, произнесла она.

– Меня это радует, – довольно изрек Морган.– Здесь очень тихо, как сами видите. К тому же – большой участок. Можете разводить хозяйство. Ваша соседка Шерри, до которой, правда, проще дозвониться, нежели добраться пешим ходом, разводит, например, черных коз. Говорит, что редкий вид, очень дорогой. Видели бы вы, какой у нее сад за домом. Она обожает цветы и разные травы...

– Вы с ней знакомы? А как насчет других соседей? – спросила Элиз.

– Другие соседи находятся от вас еще дальше, чем Шерри. Так что, я решил познакомиться только с ней, так сказать, узнать о местных веяниях. Никогда с уверенностью не скажешь, с чем придется иметь дело, что ни бывает...

– И что она до Вас донесла?

– Удивительно, но она с радостью пошла на контакт. Было видно, что она соскучилась по общению. Рассказала, что живет здесь с самого рождения. Родители ее уже давно умерли.

Детьми она так и не обзавелась, так же, как и мужем. По ее словам, сюда мало кто приезжает. Дома находятся далеко друг от друга. Я бы сказал, прилично далеко. Поэтому никто ни на кого, никогда не жаловался. Она потрясающая женщина, поставила меня на ноги. В те дни я сильно простудился, но работа, сами знаете, поднимет даже мертвеца из гроба. Шерри напоила меня прекрасным травяным чаем, и я буквально встал на ноги в тот же день!

– Бедняжка, наверное, скучает здесь.

– Шерри ярый садовод. Она все время возится с землей. В ее саду найдешь любые цветы, какие только придут вам в голову. Не говоря уже о полыни, которая почему-то растет вместо цветов перед домом. У каждого свои пунктики.

– В комнате, где прошла большая часть моего детства, когда-то был одомашненный папоротник. Я просто вспомнила это, потому что по дороге к Вам, увидела, как буйно он здесь растет.

– Этого добра здесь хватает, если Вы любитель такого.

– Никогда не видела его цветка. В нашем доме он так и не расцвел.

– А у Шерри цветут даже папоротники. В общем, вы попали в сказку. В будущем здесь можно обустроить ферму. Земли хватает. Было бы грехом, если такие уголья не использовались бы с толком. Если и вправду решитесь на хозяйство, то у меня есть знающий человек, который поможет определиться со скотом.

– Ни за что в жизни, – тихо, сквозь зубы процедил Гордон, делая вид, что с интересом рассматривает настенную картину, изображающую даму эпохи ренессанса.

– Вы что-то сказали? – произнес Морган, с улыбкой глянув на Гордона Смита, который как-то неестественно продолжал смотреть на картину, будто ожидая, когда сменится тема разговора.

– В свое время у семьи Гордона не было жилья. И им пришлось на время переехать на ферму. После одного неприятного инцидента, они, как можно быстрее, уехали оттуда.

– Давай, приступай к новой книге прямо сейчас...

– Простите его, мистер Блэк. – заулыбалась Элиз. – Он не любит писателей. Ручка и тетрадь не для него.

– И поэтому женился на Вас? А кем Вы работаете, мистер Смит? – обратился Морган к Гордону.

– Он программист, – не дав ответить мужу, произнесла Элизабет.

– Я просто хочу сказать, Элиз, что не надо сразу все рассказывать обо мне незнакомцам. Ты каждый раз это делаешь...

– Не знаю, как вам, но я люблю леса Калифорнии, и уединенные места, похожие на этот, я бы сказал, лакомый уголок. Это место никогда не отпустит вас, – перебил Морган, намеренно переводя тему.

Наступила пауза. Слова Моргана Блэка заставили задуматься.

– А у вас есть дети?

– Нет, но намечаются, – Гордон приобнял супругу.

Элизабет почему-то помрачнела. Улыбка и приподнятое настроение куда-то разом испарились. Гордон попытался заглянуть в опущенное лицо Элиз.

– Это хорошо, – Морган кивнул головой. – Тут все для детей. Только в школу придется возить, но разве это вам будет преградой?

– Это не проблема, – согласился молодой мужчина.

– Ну и отлично, – Морган торопливо встал и начал складывать в черный портфель какие-то бумаги, лежащие на середине стола. – Тогда приезжайте в среду в нотариальную контору на Грин-стрит. Там будет Джордж со всеми нужными документами, и я там буду. Сегодня вечером я вам перезвоню, и мы точно определимся.

– Нет, – вдруг резко возразил Гордон. – Давайте все же нотариальную контору выберем мы. У нас есть такая на примете. Хорошо?

– Вы нам не доверяете? – с растерянной улыбкой на лице спросил Морган.

– Нет, что Вы! – вступилась за мужа Элизабет. – Просто там наш старый знакомый...

– Которому мы доверяем больше, нежели вашему, – перебил Гордон. – Без обид? – улыбнувшись, спросил он.

– О чем речь? – Морган театрально развел руки в стороны. – Просто в нашем мире не хватает людям доверия друг к другу, – он начал снова складывать бумаги в портфель.

– Но сейчас мир такой, по-другому нельзя, – заявила Элизабет.

– Да, я с Вами согласен, – Морган сложил последнюю бумагу и защелкнул замок на портфеле... – Так когда мы встретимся?

– Встретимся в среду, как Вы и сказали, но только с нашими юристами, – подчеркнул Гордон.

– Мы пойдем? – спросила Элизабет, посмотрев на мужа.

– Да, нам пора.

– Да, да. Мне тоже надо торопиться, – взяв портфель, Морган, словно старый дрейфующий корабль, раскачивающейся походкой направился к выходу. – Надеюсь, от этой сделки никто не останется в обиде.

За окном сверкнула молния.

Все оделись и вышли из дома. На Моргане был легкий плащ и круглая черная шляпа, как у джазовых темнокожих парней тридцатых годов.

– Видимо, дождь начинается, – Блэк поправил шляпу.

– Похоже на то, – Элиз посмотрела на небо.

Не успела она произнести эти слова, как первая капля дождя упала ей на лицо.

– Ну вот и дождалась, – вымолвила она, игриво посмотрев на мужа.

Гордон стоял, насупив брови. Благодаря серьезности, он выглядел намного старше и напоминал человека, умудренного жизненным опытом. Дождь хлынул на них, как из ведра, удивляя своим обилием.

Элизабет всегда одухотворяло осеннее ненастье. Это была ее самая любимая погода.

– Бегом по машинам! – бодро прокричал Гордон, спрятав руки в карманы брюк. На нем был красивый кожаный плащ.

– Мистер Смит, давайте вы поезжайте первыми, а я поеду за вами, – Морган, прикрываясь своим старым плащом от порывов ветра, смешно морщил лицо.

– Отлично. Садись в машину, дорогая, – обратился Гордон к Элизабет.

Они расселись: Морган Блэк – в свой старый «Ягуар», а супруги – в маленький голубой минивэн. Машины двинулись к трассе.

Гордон вел автомобиль и все смотрел в зеркало – следил за Морганом Блэком. Мужчина ему показался каким-то подозрительным: вел себя наигранно и суетливо, как будто был уличен в обмане. Морган, в свою очередь, старался не отставать от них. Находясь на небольшом расстоянии, почтительно сопровождал голубой минивэн.

Выехав на трассу, Блэк громко просигналил, поравнявшись с машиной Смитов.

– Счастливище! – он вырвался вперед, прощально помахав рукой.

Тут же дождь хлынул еще сильнее, потоком растекаясь по стеклу автомобиля.

– Приятный мужчина, – произнесла Элиз.

– Да... что-то в нем есть.

– Мне кажется, я уже его где-то видела.

– Мне он тоже показался знакомым. Когда я пытался посмотреть на него, он все время отводил взгляд. Странно, да?

Элиз пожала плечами.

– И как тебе дом?

– Все, как я и мечтала. Даже бильярд есть. А тебе он понравился?

– Надо будет все проверить.

– Что проверить?– с интересом спросила Элиз.

– Надо проверить, не обманывают ли они нас, – Гордон, прищурившись, смотрел через включенные дворники на утопающую в воде трассу.

– Тебе кажется, что-то не так?

– Это просто формальность.

– Но ты в чем-то сомневаешься. Я права?

Он резко посмотрел в ее сторону и снова перевел взгляд на дорогу.

– А что случилось в подвале?

Но она и сама не понимала, что с ней случилось в тот момент.

После короткого разговора, продолжилось тягостное молчание с обеих сторон. Гордон все размышлял о покупке дома. Как сказал бы его коллега по бизнесу Эндрю Беннет: «бесплатна только твоя подпись». Уж очень мизерная была цена за такой особняк, но и не каждый день найдешь такую недвижимость – словно из твоей мечты, как по желанию. Большие комнаты, зеркальный потолок, детская комната, где будет расти малыш – его наследник. И супруга была только «за». Похоже, ей тоже все очень понравилось.

Элизабет в этот момент пыталась унять внутреннее волнение, вызванное сюжетом картины, забытой в подвале дома.

К вечеру они поехали в гости к нотариусу, сорокашестилетнему Стиву Миллеру. Он был другом семьи Смит. Имел большую семью: пятерых детей и верную жену, которая полагалась только на мужа и никогда в жизни не возразила ему ни единым словом. Вся семья стояла друг за друга горой. Старший сын уже пошел по стопам отца, а младшему было всего девять. Многие обращались к ним за помощью, так как знали, что эти люди не подведут.

– Не переживайте, – сказал уверенным тоном Стив Миллер.– Наверное, этим людям действительно срочно нужны деньги. Вы ведь придете ко мне, и мы все обсудим вместе. Если в чем-то увижу подвох, в документах, или в чем-либо еще, то я сообщу вам в ту же секунду и прекращу сделку.

От таких слов Гордон успокоился. Уже через две недели Смиты приобрели свой долгожданный райский уголок, долгое время занимавший их умы. Также они познакомились с загадочным Джорджем. Он был какой-то забитый и немногословный, в глазах присутствовал страх, но семья Смит списала это на уныние по поводу семейной драмы. И сделка была заключена. Все сочувствовали горю Джорджа, желая его сыну скорейшего выздоровления.

Глава 2

Затишье

Переехав в новые владения, они отпраздновали это тихим семейным ужином и бурной ночью. Следующий день был воскресным, и молодая семья хотела провести его с пользой, обустроив дом на свой вкус и лад. Элизабет согласилась первым делом выкинуть всякий хлам из чердака, но ей больше хотелось взглянуть на внушающую ужас картину, что одиноко лежала на ворохе старых вещей. Она хотела справиться со своим страхом при виде этого холста, и поэтому, не откладывая, решила начать с уборки подвального помещения. Гордон занимался первым этажом. Это превратилось в некую игру, – кто лучше справится с заданием.

Спустившись в подвал, Элиз удивилась, не обнаружив картину. Она продолжила убираться, не став углубляться в странный случай, решив, что та картина вызвала у нее гнетущие чувства по причине аборта, сделанного ею недавно. Элизабет Смит пока не планировала иметь детей, считая это большой ответственностью, тем более, что на тот момент Гордон не очень-то

торопился узаконить их отношения. Она сделала это втайне от своего будущего мужа, боясь ему в этом признаться, – ведь он давно мечтал о малыше. Через определенное время Элизабет поняла, что сделала самую большую ошибку в своей жизни, чувство вины угнетало ее. В отчаянии, не находя себе оправдания, она начала винить Гордона за его медлительность и нудную привычку взвешивать все «за» и «против». Но буквально через месяц после потери ребенка Гордон сделал ей предложение, даже не догадываясь о том, что натворила Элиз. Она пыталась забыть то, что совершила, пыталась соврать самой себе, представив, что ее поступок был лишь кошмарным наваждением, на время затмившим радость вступления в новый день.

Оставив все сомнения, Элизабет поднялась наверх. Все ящики и шкафы стоящей в кухне мебели были распахнуты настежь. Гордон, почти не рассматривая, что попадалась ему под руки, кидал все в черный большой пакет для мусора. Среди вещей, оставленных прошлыми хозяевами, можно было найти полупустые коробки с различными засохшими хлопьями, крупами, многочисленные грязные банки (видимо, бывшая хозяйка любила их собирать), старая испарпанная посуда...

– Ты неплохо справляешься, – похвалила Элиз Гордона.

На руках у него были яркие желтые перчатки. Светлые джинсы и белая футболка запачканы пылью. По лицу было видно, что он доволен ролью хозяина в новом месте.

– Тебе так нравится убираться? – спросила она, не дождавшись ответа.

– У меня просто хорошее настроение.

– Не мог бы оставить шанс хотя бы посуде?

Гордон удивленно обернулся на нее.

– Ты хочешь из нее есть? Она вся липкая, треснутая. Кто знает, какие люди из нее ели.

– Может, туда затесался антиквариат?

– Антиквариатом здесь не пахнет. – Гордон брезгливо поморщился.

– Думаешь, мы справимся до заката? – убрав влажные волосы с лица, Элиз подошла к мужу.

– Я думаю, тут не с чем справляться.

Из рук Гордона выскользнул пакет с мусором, он приобнял Элиз и облокотился о стену.

– Ты запачкаешь меня, Гордон.

– Не бойся.

Его руки обхватили ее за талию, при этом, не касаясь перчатками ее красной майки. Элизабет целовала его, улыбаясь, придерживая свои пышные волосы рукой. Свет солнца пробивался сквозь стекла кухни и мягкими лучами падал на них, приятно грея своим теплом.

– Что это?

Элиз вздрогнула, обернувшись назад. На полу волчком крутилась чашка, производя неприятный металлический звук. Она почему-то не сбавляла скорость оборотов, удерживая на себе их внимание.

– Останови ее, – сказала Элиз, наблюдая, как чашка с шумом продолжала крутиться на месте.

Гордон направился к столу, наступив на не останавливающуюся посудину.

– Все в порядке. Я просто поставил ее на край.

– Я что-то устала сегодня. Мне нехорошо.

– Пойди отдохни, а я пока приберусь здесь.

Элизабет кивнула, и, глядя в пол, продолжала стоять у порога.

– Все нормально?

– Теперь слишком тихо. После города так непривычно слышать этот звук... Звук пустоты.

– Здесь душно, я открою окно, и ты сразу взбодрись. Кстати, я настроил телевизор.

Почти все каналы показывает.

– Давай сделаем перерыв, на сегодня хватит уборки.

– Хорошо, – натянуто улыбнулся он ей, опершись руками в стол.

Элиз вышла из кухни. Гордон, тяжело вздохнув, направился к окну, которое ярко освещало солнце. Сквозь стекла виднелись двор и деревья. Опустив руки, он задумчиво всматривался в площадку.

Наутро встав, они наспех позавтракали и сели каждый в свою машину, отправившись по одной трассе в сторону города, в некоем унынии глядя сквозь влажные стекла в холодный утренний день. Погода была пасмурной, в воздухе пахло дождем. Этот день для каждого выдался тяжелым. Гордон получил гору всяких бумажек и работал без перерыва на обед. Элиз пришлось целый день объяснять старой зануде редактору, что другого конца в ее книге быть не может, только плохой, не устраивающий мисс Лейнер. В конце концов, Элизабет все-таки уговорила ее и объяснила, что лучшего финала для этой книги не придумаешь, и редактор согласилась оставить все, как есть, поняв значение концовки романа. Элизабет писала психологические романы, а мисс Лейнер не всегда понимала такие тонкости и поэтому требовала разгадки у самих авторов.

Приехав домой раньше Гордона и зайдя в дом, Элиз сняла туфли и только тут вспомнила, что нужно было купить лампочки, о которых она совсем забыла.

– Черт, – произнесла она, опять надевая обувь.

Замкнув дом, Элиз отправилась в ближайший магазин.

Машина ехала по узкой дороге, по бокам была лесная чаща, самый ближайший магазин – в трех милях от усадьбы и находился на автостоянке, где всегда стоял ряд машин. На ее счастье, было единственное парковочное место. Припарковав свой автомобиль между машинами, Элиз вышла, захлопнув за собой дверь. Она направилась к небольшому помещению, стараясь угадать, будет ли в нем то, что ей нужно. Прямо перед ней вышла девушка-тинейджер в короткой розовой юбке и такой же короткой кожаной куртке. Она посмотрела на Элиз, окинув ее взглядом с ног до головы. Нагло жуя жвачку, толкнула ее плечом и подошла к пристегнутому цепью велосипеду, который стоял сбоку от двери на специально выделенном месте. Ведя себя подчеркнуто вызывающе, девчонка громко расхохоталась. Опешив, Элиз пожала плечами, удивившись ее хамству.

Внутри помещения было что-то вроде закуской. Публика разной масти заполняла эту небольшую забегаловку, стоя у столиков и у главной стойки, за которой главенствовала полная женщина в красной кепке и в такой же красной рубашке. Все замолчали, резко обернувшись. Растерявшись от такого внимания, Элиз молча направилась к стойке. Мужчина в грязной джинсовой куртке, поедая гамбургер, внимательно разглядывал ее.

– Здравствуйте.

Женщина, протирая стакан, кивнула ей. Все угрюмо продолжали смотреть на стройную брюнетку.

– Есть ли у вас здесь отдел бытовой техники?

– Такого здесь нет, мэм.

– А где-нибудь поблизости нет такого магазина?

– Не думаю, что Вы найдете его здесь. Вам надо будет в город, – сказал сбоку стоящий старик.

– Вы не местная? – спросила продавщица.

От Элиз начали отводить настороженные взгляды. Лишь мужчина, поедавший гамбургер, все еще внимательно разглядывал ее.

– Мэм!

– Ах, да, – неловко улыбнулась она, перестав осматриваться по сторонам. – Я только что переехала сюда с мужем. Хотела только спросить, где здесь у вас можно взять товары бытовой техники, только и всего.

– Что же такую красивую леди привело сюда?– спросил старик в сером свитере, попивая горячий кофе.

– Это долгая история, – ответила Элиз, посмотрев на полную женщину перед собой.– Все равно спасибо.

– За что?– спросила женщина, продолжая протирать доблеска натертый стакан. Капелька пота сползла с ее подбородка и упала на красную рубашку, заостряя на себе внимание Элиз.

– За то, что ответили.

– Я тоже живу там, – и махнула рукой в сторону холмов. – Будем знакомы. Вы в том доме?

– Я...

– Вы переехали в тот старый дом, который продавал Митчелл?

– Да, – Элиз подняла голову, – а откуда Вы узнали?..

– Кроме того дома там ничего не продается. Я живу чуть дальше, если хотите проще, – через два дома от Вас. Может, выпьете кофе? У Вас нездоровый вид.

– Нет, спасибо. День сегодня был тяжелый. Рада была с Вами познакомиться.

– Удачного дня.

Элизабет вышла из неприглянувшегося кафе, чувствуя на себе любопытные взгляды.

Она вернулась домой поздним вечером, лишь в городе найдя то, что искала. Не успела расположиться перед телевизором, чтобы отдохнуть, как во двор въехала машина Гордона.

За ужином, расспрашивая друг друга о работе, оба коротко отвечали. Разговор не получался. Решив прервать затянувшуюся паузу, Элиз пошла принять холодный душ. Она включила воду и встала под нее. Прохладная вода потоками охлаждала ее разгоряченное тело, зеленый кафель матово поблескивал в прозрачных каплях воды. Вдруг кто-то сзади нежно прошелся кончиками пальцев по ее спине и, обняв, начал целовать ее шею. Узнав своего мужа по повадкам, она повернулась к нему и, закрыв глаза, легким поцелуем коснулась его губ. Так прошел еще один долгий день...

С утра Элиз решила применить лампочки по назначению. Но ни одна из них не принесла положительного результата.

«Значит, здесь дело в другом, – сделала она вывод.– Все-таки придется вызвать мастера, чтобы осмотреть проводку».

Чердак по-прежнему оставался темным, и лишь одинокое окошко светилось, как око затаившегося зверя, ожидавшего своего часа перед прыжком. Оставалось только взяться за наброски нового романа, дела же отложить до ужина, чтобы все обговорить с мужем.

Вечером, во время совместной трапезы, каждый был углублен в свои мысли. Между супругами чувствовалось напряжение, которое с каждой секундой становилось все ощутимее.

Гордон с жадностью поедая пищу, во всех его действиях чувствовалась нервозность. Элизабет медленно, как бы неохотно обратилась к нему:

– Дорогой, нам надо вызвать мастера.

Он, переключая каналы телевизора и не отрываясь от экрана, спросил:

– Насчет чего?

– Мне кажется, нам надо проверить проводку. Я никак не могу осмотреть наш чердак, там не работает ни одна лампочка.

Он, продолжая смотреть телевизор:

– Они точно подходят?

– Конечно, да.

– Сегодня уже поздно вызывать кого-то. Попробуй завтра утром.

Элизабет молча вышла во двор.

Наутро муж поцеловал жену у дверей и, быстрым шагом направившись к машине, поспешил на работу, не найдя ни единого слова, чтобы обмолвиться с Элиз. Насытившись ярким и хорошим сном, в приподнятом настроении, Элизабет разыскала телефон мастера в толстом

телефонном справочнике, оставленном здесь прежним хозяином. Быстрый голос в телефоне, отвечающий короткими ответами:

– Я могу подъехать сегодня только в три. Вас устраивает это?

– Вполне.

«Неплохо было бы завести собаку, – подумала про себя Элиз. – «Но только как сказать об этом Гордону, ведь он терпеть не может животных. Ладно, как-нибудь скажу».

Провозившись со своими рукописями, Элиз не заметила, как прошло время, и кто-то позвонил в дверь. Перед ней стоял пожилой, невысокого роста полный мужчина.

– Я по Вашему заказу прибыл, насчет проводки, – сказал незнакомец.

– Здравствуйте, – кивнув головой, произнесла Элиз и впустила его в дом.

Он заглянул в коридор и осмотрелся по сторонам.

– Ну, показывайте, леди, где надо чинить.

– Как Вас зовут?

– Дональд.

– Отлично.

Они стали подниматься по лестнице.

– Долго ехали?

– Нет. У меня хорошая машина.

Элизабет, придерживая одной рукой полу бархатного, белого халата, просто промолчала. Дойдя до чердачного люка, она взяла палку и подцепила край лестницы. Лестница плавно легла на пол. Дональд ступил первым.

– Темно у вас.

– Да уж, точно подметили, а иначе Вы не приехали бы к нам, – сыронизировала Элиз. – Вам дать фонарик?

– Нет, у меня есть свой.

Мастер недовольно кашлянул. Уже на чердаке он начал осматривать выключатель, говоря при этом:

– Далековато вы живете от города.

– Не близко, ну что ж поделаешь, – Элиз пожала плечами.

– Вам здесь не жутковато? Вокруг сплошной лес.

– Да нет, наоборот, здесь лучше, чем в городе. Вся эта городская суeta уже надоела.

– Вы что, недавно сюда переехали? Вы новенькие?

– Можно и так сказать. С мужем решили перебраться подальше от города. Мы любим быть ближе к природе. А Вам что, показалось здесь жутковато?

– Вам нравится уединенное место? Здесь слишком уж тихо. Тишина – даже птиц не слышно. И соседей я не видел. Лишь в самом начале трассы, по дороге к вам... Лишь там было какое-то жилье.

– Вот поэтому нам здесь и нравится.

Он обернулся, улыбнувшись, при этом его усы смешно зашевелились. Элиз рассмеялась.

– Что случилось после того, как Вы пришли к ним в дом?

– Ничего, я починил им проводку, они рассчитались со мной. На вид, это была нормальная семейная пара.

– И все? Вы не заметили ничего странного?

– Говорю же Вам! Я просто пришел сделать свою работу. Я больше там не появлялся, и Элизабет Смит я больше не видел.

– ...Поначалу я думала так же, как и Вы. Но потом мне здесь очень понравилось. А что случилось со светом?

Мастер в этот момент уже исследовал всю стену, где проходили провода. Элизабет светила ему фонариком.

– Да у вас патрон перегорел. Еще проводка на полчердака сгорела, кажется. Это удивительно, как все не полетело. Хотя, постойте... Дайте фонарик.

– Что-то серьезное?

– Похоже, проводка сгорела во всем доме.

– Как?

– Ее кто-то уже поменял, только почему не до конца?

– А как Вы поняли?

– Да тут понять несложно, мисс. Просто темно, и я сразу не заметил.

– И что теперь делать?

– Ничего страшного нет. Я ее поменяю.

Он вытащил инструменты из своего портфеля и сказал:

– Можете открыть то окошко?

Она посмотрела на окно, медленно пошла к нему, подсвечивая себе под ноги, чтобы не споткнуться о какую-либо вещь, так как здесь было достаточно мусора.

Дойдя до окошка, Элиз посмотрела на паутину, которая зашевелилась от ее дыхания, и сверху спустился потревоженный паук, проверяя, не попала ли добыча. Кожа ее покрылась мурашками, она брезгливо передернула плечами, открыв окно. Свет на чердаке прибавился, но при этом его все равно было недостаточно, и даже фонарь, который держала Элизабет, еле рассеивал полумрак. С большими усилиями, но все же работа была закончена. За все это время мастер ни на секунду не закрыл рта. Все разговаривал, находя новые темы для беседы. Да и Элизабет была этому рада, так как соскучилась по простому разговору. Она не заметила, как быстро прошло время. Внизу раздался голос Гордона.

– Элиз, чья эта машина, у нас гости? Я тоже не один! – весело и задорно прокричал он.

Супруги Смит почти не общались, каждый был углублен в свои мысли, но при этом без лишних слов они чувствовали желания друг друга, даже на расстоянии.

– Что это за чудо, Гордон? – улыбаясь, Элиз быстро сбежала по ступенькам и подошла к мужу.

В руках у него был маленький щенок породы норфолкского терьера. Он вырывался у него из рук, и Гордон бережно опустил его на пол.

– Как ты узнал?

Гордон обнял ее и шепнул на ухо.

– По твоим глазам.

Она жарко поцеловала его в губы.

– Спасибо.

– Для тебя все, что угодно.

– Кхм... – кашлянул кто-то на лестнице. – Я почти все сделал.

Пузатый мужчина стоял, глядя на них, упираясь руками в бока.

– Здравствуйте.

– Это мастер, Гордон.

– Остается дело за малым. Вы меня покинули, а мне нужен помощник. Вы не против?

– Ну раз дело за малым, тогда мне ничего не остается, как помочь Вам, – Гордон подмигнул жене.

– Здравствуйте еще раз. Дональд.

– Очень приятно. Гордон, – пожал он ему руку. – Гордон Смит.

– Там у вас застарелые неполадки. Это все поправимо.

– Мы сюда только переехали. Еще не успели хорошо осмотреться.

Элизабет присела на корточки, внимательно разглядывая собаку.

- Пойдемте?
- Да, пойдем, время не ждет...
- Привет, милый.

Щенок перебирал лапками. Элиз держала ладонь над щенком, и он пытался лизнуть ее своим розовым языком.

- Я назову тебя Лакки.
- Она замолчала, глядя на него. Улыбка счастья не сходила с ее лица.
- Да. Все верно. Так и сделаем, – доносилось сверху.

Так незаметно пролетел день. На чердаке появился долгожданный свет. Гордон Смит был доволен тем, что смог немного приблизиться к жене. Хотя на немного...

- Они встречались уже несколько лет. Но только недавно сыграли свадьбу.
- Правда? Несколько лет счастливой жизни, и они ни разу не ссорились?
- Никто никогда не говорил об этом. Как считали окружающие – это была идеальная пара. Но все это было поверхностно, на виду. Близкие люди знают намного больше...

- Они снимали квартиру?
- Нет. Купили.
- В те дни же еще не было никакого успеха...

– Купил Гордон. Сильно влез в проблемы из-за этого: говорят, что парень, где только не поназанимал денег. Отец и мать Гордона до последнего не признавали Элиз. Они не признали ее и сейчас. Дилан и Дебора не хотели видеть в лице Элиз свою невестку. Они говорили своему сыну: «Справишься ли ты с ней? Тебе будет тяжело. Вы столько лет вместе, но, кажется, сердца ее ты так и не раскрыл».

Мать однажды сказала ему: «Я вижу, что ее гложет какая-то внутренняя боль, душевная забота. Она все время где-то, мысленно. Но это не только в плане того, что она писательница и раздумывает очередной сюжет своей книги. Это что-то другое. Я чувствую это, как женщина. Чувствую это, как мать. Мое сердце беспокоит. Если честно, я всегда, как и твой отец, была против этой связи. Но всегда была деликатна. Мы очень рады, что вы, наконец-то, узаконили свои отношения. Значит, эти годы были связующими у вас, и не прошли зря. Но разрешит ли этот шаг ваши проблемы? Разве ты сам не замечаешь, что ее что-то гнетет? И, пожалуйста, сынок. Не бери это на свой счет. Это совершенно другое. Есть такие души. Они всегда мятущиеся. И тяжелее всех приходится даже не им, а тем, кто рядом.

– Чтобы не случилось, мы все равно будем вместе. Никакие препятствия не смогут стать между нами.

– Я всегда знала, сынок, что ты очень верен. Но не чувствуй за собой долга, что ты просто обязан нести на себе непосильную ношу».

– Он хотел приручить ее. Как бы это правильно выразиться... Одомашнить что ли... Но у него ничего не получилось. В то время она все также продолжала ездить за границу. Зачем-то часто ездила в Австралию. И все это было так завуалировано. Что-то или кто-то ей постоянно не давал покоя. Ее постоянно тянуло куда-то. Она не могла найти себе места. Как муж, он сильно поддерживал ее. Насколько я знаю, однажды, она просто намекнула Гордону, что хочет уже отойти от своего образа жизни. Хочет забыть прошлое, к которому постоянно возвращается. А что это было за прошлое, возможно, знали только они сами.

– Думаете, что знали только они?

– Я не думаю, что об этом может знать кто-то еще. Иначе об этом уже знали бы и Вы. Не правда ли, мистер Кокс? Гордон, как Вы уже знаете, такая натура, которая может уговорить кого угодно. Он очень терпеливый. Он так хотел, чтобы было все благопристойно... Что

самое обидное за него – это то, что она постоянно закатывала ему скандалы по поводу каких-то мифических измен.

– В чем же у Вас кроется обида за Гордона? Может, и, правда, измены и были?

– Он никогда себе этого не позволял. Их никогда не было. Если бы Вы только смогли прочитать его жизнь. Прочитать все моменты, подобно книге, то сразу бы все поняли. Для него семейные ценности были выше всего на свете.

– Что же касается родителей Элиз... Мне бы хотелось узнать и о них.

– Родители Элиз живут в Оклахоме. Для них это было, как гром среди ясного неба. Мать Элиз долгое время не могли привести в чувство. Эта бедная женщина чуть не умерла. Такого ужаса никто не мог ожидать.

– Супруги Смит совещались с кем-нибудь по поводу покупки этого дома?

– Мы поговорили с родителями и их знакомыми. Никто даже не знал, что они собираются переезжать на новое место.

– Ясно. Спасибо, мистер Бенсли. Вы мне очень помогли.

– Рассказав то, что Вам, очевидно, и так было известно?

– Хотел еще раз удостовериться, что все верно.

– Мистер...

– Я слушаю.

– Вы видели их?

– Конечно.

– Да поможет Вам Бог.

Проснувшись поутру, Элизабет положила руку на вторую половину кровати, где спал Гордон. Она сразу открыла глаза, не почувствовав тепла мужа. На комод напротив белым пятном выделялась записка:

«Не хотел тебя будить, ты так крепко спала. Люблю тебя. Гордон».

В очередной раз она взялась за написание своей новой книги, не имея вдохновения. Долго думала и мучилась над названием произведения.

«Заблудшие души...

Нет, неправильно. Не то. Может, «Зов вдали»?..

Первые две строчки пошли великолепно, а потом...

Опять полнейший ступор...

Нужно придумать имя для героини...

Может, стоит перенести персонажей в другое место? В какое-нибудь далекое и забытое...»

Сюжет сам пришел к половине одиннадцатого, когда надежда на вдохновение сменилась раздражением. Упорная работа завершилась к двум часам, после чего Элизабет вышла во двор, присела на стул у кадки с засохшим кустом лилии и стала наслаждаться теплом нежаркого солнца. Свежий воздух был напоен ароматом недавно прошедшего дождя.

«Как хорошо, Боже...»

По двору бегал щенок – маленькое творение Большой Природы.

«РЕБЕНОК», – подумала она. Волна воспоминаний нахлынула на нее, грянув, как гром среди ясного неба.

«Сейчас бы мой ребенок мог находиться здесь, со мной...»

– Мой малыш! – вывалось у нее вслух...

Элизабет забежала в дом. Сдерживаемые рыдания сотрясали ее грудь. Она умылась холодной водой и немного успокоилась. Затем направилась в гостиную и прикурила сигарету. Со вздохом подперла рукой голову, тяжело склонившись над столом, и поближе подтянула к себе пепельницу, купленную во время медового месяца. Та издала рассыпчатый звон богемского хрусталя.

– Как же паршиво... Элиз, соберись, – унимала она себя.

Пытаясь отвлечься от скорбных мыслей, Элизабет направилась на чердак, чтобы выбросить оставшийся хлам, напоминающий этому дому о прошлых жильцах. Работа для нее была спасательным кругом, который помогал выбраться из пучины собственных страхов. Но эта пучина втягивала Элиз все глубже и сильнее, холодом сковывая сердце. Странная тишина окружала ее. Элиз нарочно начала шумно вытаскивать из мебели все, что попадалось ей под руку. От поднятой пыли в воздухе появился кисло-сырой запах, вызывавший оскороину.

Она попыталась сдвинуть в сторону полусобраный шкаф, но поняла, что что-то мешает ей это сделать. Какой-то темный тяжелый предмет лежал под днищем покосившейся рухляди. Элиз протянула руку, чтобы достать его, как вдруг резкая боль ослепила ее пронзительной вспышкой. Вскрикнув, молодая женщина отдернула руку и увидела, как из-под ногтя течет кровь. Заноза вошла глубоко, торча осколком стекла в безымянном пальце. Из-под ногтя проступила кровь.

– Черт, – прошептала она, крепко обхватив запястье.

От вида крови ей стало плохо, но стоило всего лишь отвернуться, как рвотный рефлекс отступил от нее, а через секунду, хоть и морщась от пульсирующей боли, представляя, что это не ее тело, она медленно вытащила острый кусок поломанного стекла. Перевязывая пораненный палец, почувствовала, как некая злость овладевает ею.

«Старые вещи посторонних людей всегда притягивают плохое. Они, как вампиры, пьют соки новых хозяев, держа в себе чужую энергию», – вспомнила она слова отца Луи, крестившего ее.

Захотелось во что бы то ни стало завершить начатое дело до конца. Подцепив злополучный предмет палкой, Элиз осторожно начала тащить его к себе...

– Я не оставляю тебя там. Иди сюда, чертов кусок дерьма!

Ее охватило разочарование, когда перед ней на полу оказалась обычная толстая книга.

– «Книга душ», – прочитала она вслух название, написанное старинным, крупным шрифтом.

Сдунув пыль с поверхности своей находки, Элизабет стала наугад открывать страницы. В книге были ритуальные заклинания и изображения каких-то измученных людей. Вещь казалась очень древней: в дорогом кожаном переплете, с металлической застежкой. Толщину книге придавала ее массивная обложка. Задняя сторона переплета была из отполированного металла, где можно было видеть свое отражение. Элизабет торопливо спустилась вниз, крепко держа книгу в руках. Она просто растворилась в ней, весь день изучая каждый рисунок и буквы замысловатого текста. Элиз просто была уверена, что сможет найти все ответы на свои вопросы благодаря тому, что находится у нее в руках.

Суетливое приготовление ужина, скучная трапеза с мужем, безмолвный секс и сон, от которого был толк в том, что семья Смит находила, наконец, весомую причину заговорить друг с другом. Весомая причина заключалась в желании друг другу спокойной ночи.

Глава 3

Буря

Три дня спустя.

Гордона вывели из сна непонятные звуки. Он тут же открыл глаза. Гордон все время чувствовал себя так, как будто находится на страже. Рядом с ним, в беспокойном забытии лежала его жена. Под сомкнутыми веками зрачки быстро двигались из стороны в сторону, зубы ее скрежетали. Элиз поскуливала подобно раненому щенку.

– Нет, нет!

– Элизабет, очнись.

Гордон коснулся рукой ее плеча. Она тягостно застонала.

– Нет!

– Элиз!

Элизабет проснулась в холодном поту. Они просидели в молчании около двух минут, глядя на луну, небесным оком светившую в окна. Накрапывал дождь, оставляя на стекле мокрые следы. Тяжело дыша, Элиз украдкой утирала слезы.

– Опять эти дети?

– Да... Мне очень плохо...

Свет от яркой луны пронизывал всю комнату, обволакивающими волнами погружая все вокруг в серебряный цвет холодного металла.

– Элиз, нам надо обратиться к врачу.

– Нет, я не хочу, – ответила она, поеживаясь от пробирающих ее кожу колючих мурашек.

От резкого порыва ветра приоткрылось окно, легкая занавесь играла на ветру. Гордон зевнул, пытаясь сделать это незаметным для жены.

– Тебе нужно к врачу, чтобы он назначил хорошее успокоительное. Давно пора было это сделать, – произнес Гордон, с силой захлопнув приоткрывшуюся створку окна.

– Мне не нужен врач.

– Ладно. Тогда, может, попробуешь заснуть? О, четыре часа утра.

– Нет, ты спи, а я немного посижу, – сказала Элиз, встав босыми ногами на скрипучий пол.

– Выпей валерьянки и ложись. Я думаю, дважды за ночь они не приснятся.

– Ты отдыхай, не беспокойся, а я посижу в гостиной.

– Только недолго, Элиз, – отвернувшись к окну, произнес он. – Утром мы обсудим эту тему.

Гордон смотрел на деревья, которые покачивались на ветру, слегка касаясь ветками стекол. Он не мог сомкнуть глаз под звук разбивающихся капель.

Лежа навзничь, запрокинув руки на голову, он все сильнее стискивал ими свой пылающий лоб, остро выставив локти вперед, как будто защищая себя от всех посторонних звуков.

«Что происходит со мной? Как мне надоели эти безумные тени. Может, и вправду обратиться к врачу? Может, я много думаю о том, что давно прошло? Нет! Здесь что-то другое... Они у меня перед глазами, их лица, как их забыть? Черт, наверное, я схожу с ума».

Просидев в одиночестве до утра, она не заметила, как заснула.

Ее разбудило легкое прикосновение, показавшееся ей странным. Это был маленький Лакки, обнюхивающий ее руку и приветливо виляющий хвостиком.

– Лакки, я совсем забыла о тебе. Какой же ты хороший! Иди ко мне, мой малыш.

Щенок стал весело подпрыгивать на месте, от восторга скуля и повизгивая. Гордона уже не было дома. Оставшись в одиночестве с Лакки, Элиз почувствовала, как комок некой обиды спазмом сковал ей горло.

«Господи, помоги мне!..»

– Она была чем-то недовольна?

– Она как будто была все время чем-то встревожена...

– Никогда, Джек, ты не знал свою сестру! Моя малютка Элиз всегда была примерной и хорошей девочкой. О тебе, Джек, узнали в последний момент, что ты у нее есть. Ты убежал в этот Лас-Вегас, пытаясь вычеркнуть себя из этой семьи. Ты говоришь, что твоя сестра была углублена в свои мысли? Но это понятно! Ведь она же писательница. Это не значит, что она была больна.

– Я не говорил так, что моя сестра была больна.

– Ты всегда говорил так!

– Успокойся, Дана.

– И ты не знал ее. И ты винил ее всегда, Бад! Ты всегда больше защищал ее брата, нежели свою дочь. Ты не любил ее. Никогда в жизни я не слышала от тебя приятного слова. Ты только любил пить, забывая, что имеешь семью.

– Мама, давай мы не будем вспоминать прошлое...

– А зачем они тогда пришли сюда? Разве не узнать, что было?

– Я понимаю Ваши чувства, мэм. Мистер Дженсли, пожалуйста, успокойте Вашу жену.

– Никто не знал ее. Никто не понимал ее чувства. Все считали ее странной, когда она просила всего лишь немного любви к себе. Разве Вы не хотите, чтобы Вас любили?

– Это не входит в тему разговора...

– ЗАМОЛЧИТЕ! Вам не понять. Вы расследуете это дело, каждый раз встречаясь с такими ситуациями. Но были ли Вы сами в ней? Что Вы можете говорить о чувствах, если по Вашему лицу видно, что это лишь Ваша работа?

– Дана!

– Не прикасайся ко мне, Бад!

– Дана, пожалуйста...

– Вы сейчас смотрите на меня, мистер, сидя на моем диване, в моей квартире. Вы не можете расследовать то, к чему относитесь, как к галочке, которую Вам нужно всего лишь поставить в своем блокноте.

– Дана, он хочет нам помочь.

– О какой помощи ты говоришь, Бад?.. Он пришел лишь для протокола, разрывая мое сердце.

Суббота.

«Морган говорил, что в глубине леса есть потрясающая поляна. Она находится на возвышенности. Чтобы подняться туда, нужно будет приложить усилия, зато я представляю, какой там вид... – думала Элизабет. – Смешно... Так долго мечтать подальше перебраться от всего этого городского шума, сплетен и постоянной суматохи, и, наконец, осуществив свою мечту, даже ни сходить никуда вместе, не проникнуться местной природой... А ведь здесь так красиво! Поблизости нет ни одного соседа, мы в самой чаще леса. Переехать сюда побудила еще одна причина – люди... Именно тот, на первый взгляд, кажущийся небольшой инцидент с прессой и подтолкнул меня поставить окончательную точку – укрыть себя и Гордона от них... Постоянные суды за мое мировоззрение, мои слова, идущие от сердца... Кое-то, из озлобившихся в своей жизни, проявлял наглость в клевете и оскорблениях меня прямо на улице. Они читали и ненавидели, но не могли оторваться от того, что я им открывала без прикрас, без вуалирования, о чем они сами стыдились говорить – о своих пороках и грешках. Ведь такие «высоконравственные» люди боятся потерять свое лицо. Я знаю, все подобные нападки являются лишь следствием зависти, по отношению к тем, кто не старался влиться в стаю, а осмелился быть индивидуумом. Уровень, который достигнут такой личностью – всегда оклеветают, найдут какую-либо мелочь, о которой даже смешно говорить, и раздуют из нее невесть что. И вместо того, чтобы похвалить тебя за твои, пусть даже маленькие достижения, они съезвят, чтобы показаться умнее и хоть как-то приблизить себя к тому, чего им не дано иметь – к таланту, даруемого свыше. Не поняв боли, через что проходит автор, осмелившийся высказать громогласно то, за что его судят, они наоборот стараются отвернуться от нарывающей пульсирующей душевной раны кричащего, когда молчаливый скрежет зубов уже не может сдерживать вырывающийся стон.

С момента моей последней книги, пресса просто заклевали нас. В угоду своего высокомерия, теща свой снобизм, недоброжелатели кидались на нас, как стервятники, подлетающие

на еще трепыхающееся, израненное существо. Радует то, что такая спорная слава не успела появиться в моей юности. Мало кто знает о моем прошлом, хоть большую часть фактов я и выложила в свои книги... Кроме одного.

Все свое детство я грезил о большом, старинном доме, так как мои родители не могли позволить мне иметь даже отдельную комнату, а я, в свою очередь, под постоянные вопли грудного брата, рассматривала фотографии старинной архитектуры, так как мне ничего не оставалось (заснуть из-за плача я не могла), кроме как занять себя чем-нибудь. Насколько я помню, мой брат все свое детство только и делал, что плакал. Родители, видимо, привыкли к этому (они особо не беспокоились, даже когда он был грудным), и просто делали вид, что не слышат его. С годами ситуация не менялась. Они просто запирали нашу комнату, а ребенок в это время бился в истерике о дверь, царапал ее, рыдал до беспамятства. Я никогда не знала, чего он хочет, и как его успокоить. Со временем я поняла, что у него это просто вошло в привычку, и, по любому поводу и без, он просто тупо начинал выть, в дальнейшем манипулируя своим нытьем и канючиньем. Родители, вероятно, думали, что именно я, как никто другой, справлюсь с ситуацией. Мы дети, как говорила мама, всегда найдем общий язык. Моим мнением на этот счет особо никто не интересовался, а я закрылась в своем мире, в котором могла спрятаться от этого внешнего фона, просачивающимся в мой выдуманный мир некой страшилкой. Внутренние переживания от вида дискомфорта, может, и правду больного ребенка, обернулись психологической травмой, ворвались в мои истории, которые уже никогда не смогли получаться веселыми. Я остро чувствовала его обделенность заботой, но не знала, как помочь. Взрослыми же все это списывалось на детскую капризность и тем, что маленькие любят, когда на них всегда обращают больше внимания, и поэтому надо делать все наоборот. Между тем, возлагались надежды на меня, по их не обсуждаемому решению... По строгим взглядам, которые с укоризной взирали на меня, на этакую замкнувшуюся в себе главную эгоистку, я читала осуждение. В чем ошибка? Это до сих пор мучает меня. Неужели, они были правы?

Я поняла лишь одно, что без своего сказочного мира я не смогу больше никогда существовать: без того мира, где я могу высказаться, не молчать, а позволить и себе закричать громко, чтобы меня услышали все!

Обычно прижималась к углу кровати и старалась представить, что я совершенно в другом месте, нежели в своем доме. На полу, около тумбы, всегда лежала стопка старых журналов, где попадались красивые картинки замысловато-вычурных построек. Я представляла, что нахожусь в этих замках (хоть какое-то спасение от этого постоянного плача). Я окуналась в этот сказочный мир архитектуры, куда не возможно было войти без написания своей истории. Со временем это стало моей страстью, я уже не могла без этого... Мое увлечение переросло в нечто большее, и когда пришло время из мечты переходить в реальность, никто не позаботился о том, чтобы мне помочь в этом. И я выбрала дорогу, которая лежала вдали от дома. Позже, когда я немного испробовала свободной жизни, мои стези направили меня в колледж, где я с энтузиазмом принялась изучать азы архитектуры. Но... каждый мой штрих на чертежном ватмане ассоциировался у меня с новым словом, изливающимся из моего сердца. На листе проступали контуры слишком сказочного здания, чтобы быть построенным в реальности... А за этим скрывалась новая история, и все эти истории были связаны друг с другом – звенья одной цепочки. На глубинном фундаменте, кирпичик за кирпичиком поднималась цитадель, которую в дальнейшем невозможно было не увидеть. Всему в этом мире приходит свое время. Хотелось бы понять, как это все могло произойти, вытекая из одного в другое.

Часто наши цели лишь наши же прихоти – они нужны лишь нам, чтобы самоутвердиться.

Я изо всех сил стараюсь забыть прошлое. Забыть о нем... Но не могу. Боюсь, что оно вернется ко мне... И я не справлюсь.

Еще до Гордона был Он. Он был всегда, но те ночи, которые нас по-настоящему сблизили, остались в моем сердце навсегда. Треск небольшого костра так гармонично сливался с волнующей

щими аккордами гитары... Легкие песни о вечных ценностях, о том, что когда-то уплыло у нас из рук, что казалось мы так крепко держали. И все это под открытым небом, где сияли большие белые звезды... И он... прижимает меня к своей груди. Оба мы накрыты одной курткой, смотрим на красные угольки – невечный тлеющий жар, его уже слегка покрывает седой пепел. От него осталось лишь прошлое. Прошлое для меня. Оно все также дышит жаром, но согреет ли?.. Я очень боюсь вплотную приблизиться к нему. Коснуться его рукою и сказать «прости».

Она сидела на веранде, взгляд ее падал на склоняющиеся под порывами ветра деревья.

«Гордон, спаси меня! Подо мною рушится земля! Возьми мою руку... Давай взлетим к небесам? Промчимся над горизонтом, коснемся рукою облаков, помахав всем тем, кого любим. Ты нужен мне!..»

А в это время о том же думал Гордон, сидя в офисе. Каждый из них боялся делать первый шаг, боясь недопонимания и отчуждения.

«Странно. Что не так в нашей семье? Наверное, не нужно было выходить за него. Мы слишком разные. Но я не могу без него. Неужели он не понимает, что все постепенно уходит из наших рук, и мы уже не те, что раньше. Что-то изменилось. Мы отдаляемся. Я вижу по нему, что он этого не хочет. Он мужчина, он должен делать первый шаг. Почему... почему он не делает этого?»

«Он ведет себя так со мной столько, сколько я его знаю. Видит, что-то не так, и продолжает закрывать глаза. Дни уходят попусту. Мы чахнем в своем мире. Хочу кричать, Гордон! ХОЧУ КРИЧАТЬ!»

«Надо, что-то менять. Сегодня заявлю ему это».

«Только мне надо выйти в люди перед этим разговором. Я давно не смотрела на звезды. Я сделала себе запрет – не смотреть на звезды. Помню слова отца, когда я обратилась к нему за помощью и за советом. Мне тогда было одиннадцать лет. Меня задевали в школе и постоянно обзывали сироткой, иногда били. Особенно старался мальчик, у которого был неродной отец, и ему здорово от него доставалось. Я попросила своего отца: «Зайди в школу. Поговори с ним. Пусть он тебя увидит. А папа ответил: «Скажи, что я действительно умер». Это было сказано так просто. Он даже не посмотрел на меня. А я, как собачонок, плелась за ним. А потом, он как-то под хорошим настроением, после очередной своей долгой отлучки, позвал меня и показал на небо. «Видишь, вон ту звездочку. Вот ты смотри на нее, когда будешь скучать по мне. Ты знай, я тоже на нее смотрю. Так мы будем вместе». Это было очень жестоко. Я это поняла через много лет. Я искала эту звездочку. Смотрела на небо очень часто...

Поеду в недавно отреставрированную обсерваторию. Я никогда там не была. Хочу окунуться в мир звездного неба. В мир их молчания и непревзойденной красоты. В мир, где нет лжи и фальши. А интересно, пересечется ли в этом великом пространстве мой взгляд со взглядом того, кто взирает на нас с той стороны, заблудший сердцем и, может, также вопрошающий? Мы – заблудшие души. Стертые судьбы. Один лишь холодный след света, оставшийся в пространстве...

Я не могу больше здесь. Этот дом меня съедает. Он не дал мне вдохновения. Это была просто глупая уловка – свить гнездо, преодолеть еще одну ступень бытия. Не стремившемуся к земным ценностям человеку, израненному с детства, это не поможет остаться на волнах, как бы благополучной, жизни.

Уже подходя к обсерватории, я увидела у входа маленькую девочку. Она так трогательно играла на скрипке... и плакала. Кто-то, из редко проходивших здесь прохожих, бросал у ее ног мелкие монеты. Она, не переставая плакать искренними, детскими слезами, опустила глаза и заворачивала сердца прохожих мелодией своей скрипки.

Не выдержав, я и сама расплакалась. Подошла к ней, села на колени и утерла ее слезы.

– Ты преодолеешь это, – только и могла я ей сказать...

И вышло это опять не так, как я хотела.

Я лишь ей подчеркнула, что она должна терпеть, в той ситуации, в которую попала... и не стала расспрашивать, что случилось. Какая причина в том, что она здесь стоит?

А я должна была кричать! Во весь голос! Что этот ребенок не должен здесь стоять и со слезами убаживать наш слух своей разрывающей сердце мелодией. Что это? Что происходит с нами, Господи?

Элизабет села в машину и поехала прочь от рукотворного «мирка», где можно так близко приблизить звезды. Опять лил дождь. Девочка будет стоять у входа, играть на скрипке и плакать.

«Я больше не могу держать это в себе. Все! Довольно! Я должна рассказать это Гордону. Будь что будет».

Элизабет снова вернулась в свое темное королевство, решив, во что бы то ни стало, за ужином поговорить с мужем.

Приготовив запеканку, рыбу и соус, – все, как он любит, она нервно поглядывала на часы, ожидая прихода Гордона.

19:30.

Снова безмолвный ужин. Каждый уткнулся в свою тарелку. Не донеся до рта вилку с кусочком рыбы, Элиз резко положила ее обратно.

Было слышно его чавканье. Столовые приборы скрипели о фарфор.

«Черт, какой же ты мерзкий, Гордон».

– Можно с тобой поговорить? – тихо произнесла Элиз, с раздражением наблюдая за мужем.

– Да, конечно. Что опять не так?

– Ты можешь посмотреть мне в глаза?

– Смотрю тебе в глаза, – съязвил Гордон, посмотрев на Элизабет. – Что-нибудь случилось? Кстати, ты вкусно приготовила рыбу. Спасибо.

– Скажи мне, ты с кем-то встречаешься?

– Что за глупый вопрос? – кинул он взгляд на нее.

Минутное молчание.

– Ты же знаешь ответ. К чему это, Элиз?

– Нет, не знаю.

– Неужели я давал тебе повод так думать?

– Я в растерянности, почему ты просто не можешь ответить – да или нет?

– Конечно нет, и ты сама это знаешь.

– Тогда почему я тебе не интересна?

Они переговаривались, стараясь не переходить на повышенный тон. Гордон отставил бокал с вином.

– С чего ты взяла, что ты мне не интересна, Элиз?

– А как тогда это можно назвать? То, что мы почти избегаем друг друга?

– Ты просто очень мнительна.

– Черт, Гордон! – закричала она, оттолкнув тарелку от себя. – Что ты, как будто с другой планеты...

– Дорогая, послушай меня, – продолжал спокойно отвечать он. – Давай я тогда брошу работу, привяжу себя к тебе, и будем ходить вместе даже в туалет. Ты этого хочешь? Мы только что приобрели такой хороший дом. Вдали ото всех. Вокруг – природа. Разве ты не об этом мечтала? Вообще, в чем проблема?

– Да причем здесь это? Ты сам посмотри. Мы слишком углубились каждый в свои мысли. Какое у нас отношение друг к другу? Да нас хоть в маленьком помещении закрой и, как ты сказал, привяжи друг к другу, – ведь все равно ничего не изменится. Нас вообще кроме секса и печати в паспорте ничего не связывает. Ты изменился, Гордон. Когда я встретила тебя, ты был

совсем другим. Совсем не такой, как сейчас. Ты мог удивлять меня. Мог радовать. Последние два года все изменилось. Мы изменились. Ради этого даже переехали сюда, но все идет еще хуже. Нам не о чем даже поговорить, Гордон. Это нормально? За столько времени мы даже не поговорили по душам. Все это... Все это так наиграно. Все наши отношения. Мы словно делаем вид, что не видим главной проблемы.

– Я не твоя подруга, чтобы разговаривать с тобой по душам, – словно не слыша ее последних слов, сказал он, ковыряясь вилкой в полусъеденной рыбе. – Ты что-то путаешь.

Вилка Гордона аккуратно легла на край тарелки в то время, как он осуждающим взглядом осматривал свою жену.

– Я твой муж.

– Я думала: ты мне заменишь всех.

– А кто тебе виноват в этом!? – его голос буквально взорвался от возмущения.

Встав со стула, он направился к мусорному ведру. Тарелка вместе с ужином полетела в открытую урну.

– Я не знаю, как к тебе подойди, Элизабет! Посмотри на себя. Это невозможно. Вечно унылое лицо. Ты вечно в своих романах. Эй, посмотрите! – схватился Гордон за лицо. – Великая писательница Элизабет Смит. Кто-нибудь, возьмите у нее автограф!

– Ты опять устраиваешь цирк.

– Скорее, а то она скроется в своих кошмарах! Ведь она же не от мира сего! Она иная!

– Какой же ты жалкий.

Элизабет направилась в гостиную.

– Ты витаешь неведомо где. Спустись же, Элиз! Все, что нравится мне, не нравится тебе. Я виноват в этом?

– Нет. Ты прав. Это я виновата, что так доверилась тебе.

– Почему ты хочешь взвалить всю вину на меня? Разве твоей вины меньше? Я давно ждал этого разговора. Я знаю, что он еще не закончен. Может, если бы мы завели уже наконец ребенка, как все нормальные люди, тогда бы у нас появилась общая тема. Ведь мы самодостаточные люди. И мы бы тогда не казались друг другу такими разными. Но нет! Ты, как всегда, ни к чему не готова.

Услышав про ребенка, Элизабет вышла во двор. Слезы обиды душили ее. Откровенного разговора так и не получилось.

«Неужели я настолько слабая, что не могу решиться на важный разговор даже с самым близким мне человеком?» – крепко обхватив себя руками, Элиз плакала, покусывая губы. Порывы легкого ветерка красиво разведали ее волосы. Она стояла на пороге и вглядывалась в лучи заходящего солнца.

Оставшись в одиночестве, Гордон пытался выдохнуть жар, охвативший его горло колющими иголками. Через пять минут он пошел к сидевшей на пороге жене, возле которой лежал щенок. Сел рядом и обнял ее, сказав:

– Ну прости меня.

– Нет, ты прости меня. Это я виновата.

– Не вини себя. Ты ни при чем. Ты права.

Легкий ветер освежал их разгоряченные чувства. Она крепко прижалась к его плечу, боясь оторваться. Сердце колотилось, как у дикого зверька, попавшего в ловушку.

– Ты многого не знаешь, чтобы прощать меня.

– Я люблю тебя, Элиз, больше жизни. Все еще поменяется, все – к лучшему. Мне не надо лишних слов. Самое главное, что ты рядом, – шептал Гордон, обнимая ее.

* * *

Я вся опустошена. Я пустая внутри. И я горю от любви, потому что НЕ МОГУ физически показать свое большое чувство!

Сегодня мне снился сон. Он был очень интересен и странен. И полностью сбылся. Мне снилось, что в доме моем вдруг оказался голубь. Он был серого цвета, и с очень маленькими крылышками. Но кот поймал его – старый кот Марчелло, которого уже давно нет. И этот голубь стал стонать, как человек. Я вызволила его, но вся спина была у него содрана до костей. Уже пожалела, что не отдала его коту. Спрятала в ванной комнате. И вдруг мы видим, что он стоит и из стока как-то умудряется пить воду, а весь пол усеян кишашими муравьями. И этот голубь так кротко посмотрел на меня, повернув свою головку. А я подумала: «Ну вот, он будет питаться этими муравьями, а кот мой, хоть и голодный, еще поймает птиц».

Я хотела выпустить голубя, а он лапкой показывает на свою грудку – там у него рана. Мне не удалось его отпустить. Он спрятался у меня в доме.

Может, этот голубь – моя душа? И пьет она из нечистого источника, и питается не тем.

* * *

– Я не заберу его, не заберу! Кто же сможет понять меня, о Господи...?!

Звук застыл, и наступила мертвая тишина. Было так холодно, что, тяжело дыша, Элизабет видела пар, выходящий у нее изо рта. Откуда-то со стороны слышались детские голоса. Они шепотом перебивали друг друга, кто-то шептал очень быстро и едва понятно. Элизабет, прислушавшись, разобрала такие слова, как:

– Все повторяется снова...

– Уходи отсюда...

– Здесь тебе не место...

Закрыв уши руками, и зажмурившись, она беспомощно стонала, медленно скатываясь на пол.

– Уходи... Уходи отсюда.

Забившись в угол, она приоткрыла дрожащие веки. Лицом к лицу перед ней стоял мальчик, черный мрак покрывал его черты. Чувствовалось, как кто-то разрывает ей грудь, с ее надрывным дыханием забирает ее душу.

– Все повторяется... Ты знаешь это, Элиз?

– Не-е-т! – закричала она пронзительным криком.

В ужасе Гордон проснулся и быстро включил светильник. На полу перед кроватью, забившись в угол, сидела его супруга.

– Элиз! Боже, – подскочил он, трясущимися руками схватив ее за плечи.

Она резко повернулась в его сторону, сразу посмотрев на зеркальный потолок, где виднелся силуэт ребенка, стоявшего только что перед ней.

– Проснись, Элиз, – твердил Гордон, сидя возле нее и вытирая пот с ее лба похолодевшей рукой. Он посмотрел ей в глаза. – Господи, что с тобой?

– Помоги мне.

– Все хорошо, Элиз, любовь моя, – тихим голосом сказал Гордон. – У нас будет все хорошо, тебе не о чем беспокоиться. Все страхи напрасны.

Бережно обняв жену, Гордон шептал ей на ухо слова любви и поддержки.

– Ты никогда не будешь чувствовать себя одинокой. Я буду всем для тебя. Ты должна это знать. Ты для меня самый дорогой человек.

По ее щекам текли слезы. В своем больном возбуждении она не могла понять, что с ней происходит, и лишь голос мужа действовал на нее убаюкивающе. Она была словно загипнотизирована монотонным голосом Гордона. Было ровно четыре утра.

Утром все планы семьи Смит были изменены. Понимая, что болезнь Элиз связана с ее психическим состоянием, Гордон был не на шутку встревожен. Он понял, что в их жизни

настал тот момент, когда нужно действительно становиться опорой друг другу, так как на Элиз повлияли многочисленные семейные проблемы, на которые он закрывал глаза.

– Ты знаешь, Элиз, мне очень понравился этот врач, – сказал Гордон после посещения клиники. – Он толковый. И я думаю, если мы прислушаемся к нему, то все нормализуется. Нам просто надо с тобой отдохнуть.

– Я хочу быть сильной, Гордон. Хочу быть верным твоим другом. Мне стыдно, что тебе приходится терпеть мои дурацкие женские истерики. И все эти приступы...

– Ты просто хочешь, чтобы я обращал на тебя внимание. Ты ужасная эгоистка, но мне нравятся твои капризы.

Приехав домой, Элиз приняла лекарства и легла в постель, пытаясь заснуть. Она не спала уже много ночей, и сама, того не заметив, уснула, проспав весь день.

Проснувшись к вечеру не от кошмара, а от голоса мужа, она с удовольствием потянулась в кровати. Гордон что-то весело говорил Лакки, пытаясь обратить его внимание на какой-то предмет. Щенок не понимал, и от этого Гордон смеялся.

«Как не хочется вставать, – промелькнула мысль. Когда Элиз повернулась в сторону часов, она удивилась позднему времени. – Надо же... Хорошо я поспала. Уже вечер».

Она украдкой, как бы нехотя, посмотрела в окно.

«Может, я просто не привыкла к этим местам, и от этого все мои страхи? Слишком много природы вокруг».

Выйдя из спальни, Элиз спустилась в гостиную по скрипучей лестнице.

– Гордон! – крикнула она.

Но муж не отзывался. Элиз направилась в ванную комнату, чтобы принять душ, так как снотворное не отпускало ее.

«Гордон был прав, надо было давно обратиться к врачу и не мучиться столько времени. Хотя, если я буду так спать, то кто же продолжит писать мой роман?»

Перестав мыть волосы, она наклонила голову, упершись руками в стену и рассматривая свое тело в зеркале напротив, подумала:

«А черт с ним, с этим романом! Если меня отправят в дурку, то его точно никто не допишет. Надо сделать перерыв».

Выключив душ, она начала вытирать свое тело, покрытое мурашками. Ей это показалось забавным. Тихо прошлась вниз живота, нежно касаясь плавных изгибов. Руки игриво коснулись груди и собрали влагу. Застенчиво улыбнувшись, Элизабет поспешно вышла из ванны.

«Мне кажется, что я испорчена с самого моего зачатия. Я помню почти все моменты своего раннего детства. Я всегда была маленькой женщиной. Женщиной с самого своего рождения. Во мне, как в наказание, была заложена страсть! И любовь... Но любовь, она такая большая – в ней так много всего. Я женщина от кончика волос, до кончика ногтя. Любить и дарить любовь... Что может быть выше женщины на этом свете? Как можно объяснить это чувство, когда хочешь объять в своих объятиях весь этот мир? Раствориться в нем. Защитить и пожалеть. Отдать себя без остатка. И почувствовать... такую же душу, повстречавшуюся на пути, на краткий миг. Но этот миг навсегда остался незабываемым... Я помню каждый взгляд, встреченный случайно, и если это были те глаза, которые дарили тебе радость в душе, чувство сотоварищества и необъяснимой взаимосвязи, то они остались навсегда со мною. Я помню те моменты и места, где повстречала обладателей этих глаз.

Я любила в дружбе. В паре. В семье. Любила каждую травинку и каждое животное. Любила это небо, и все, что под ним далеко за его пределами. Я Мать от сотворения мира, и счастлива этим. И в тоже время горько сожалею о некоторых казусных моментах, которые произошли в моей жизни. Но, наверное, я не должна этого стесняться. Ошибки, которые произошли в моей жизни, исходили из моего детства, и остались пятном от незнания. От не вос-

питания. От недонесения до меня взрослыми о запрете. Я, как первый человек в Эдеме, не зная истины, сделала некоторые оплошности, которые не должны были произойти. Они не произвели катастрофических событий в моей жизни. Но все же, было «но»... Чтобы я ответила своему партнеру, сложись другая ситуация? Я сама себя не прощаю. Себя, маленькую женщину... Из этого следует долгий рассказ. Поверь мне... мне так трудно его начать.

Я встретила в жизни человека, случайно схлестнувшись с его глазами, и поняла, что он мой. Только мой. Внутренний голос сказал мне это: «Но жить с ним ты не будешь». Мой бедный Влад... Любимый мой. Мой нежный, мой родной... Во мне всегда звучит твое имя. Мой утонченный. Мой дорогой друг. Мой предатель, Иуда, наконец. Ты переполнил кувшин моей жизни горечью, все также пользуясь моей извращенной неопытностью, каждый раз доверительно выслушивая мои исповеди, таким образом, все больше и больше привязывая к себе, становясь дороже всего в этом мире. Я, подобно дикой розе, тянулась сквозь тернии к свету, а ты лишь обрезал меня, вдохнув мой аромат и взяв весь цвет. А затем бросил на землю. А когда решился поднять, то поднимать уже было нечего... кроме истлевших лепестков.

Я никогда не встретила больше такого человека, как ты. Такого слабого. И такого сильного, в том, что тебя так любили. В чем твой секрет? В чем мой секрет? Я никогда, никогда больше не встретила такого человека, и не пыталась его искать, навсегда поставив ото всех преграду! Ни в чем не нашла тебя в других: ни в сексе... ни в слове... ни в душе. Я просто любила... И люблю. Мой дорогой. Я плачу, и слезы мои всегда о тебе. Я как-то видела сон. Вокруг пески. Высокие. И там дорожка. Среди них стоит скамейка. И там ты, дорогой. На ней сидишь. Схватился за нее обеими руками. Я подошла к тебе, по этой тропинки, среди песков. И позвала: «Пойдем со мной». А ты закатил глаза, и ответил мучительно: «Я не-е-е могу-у-у..!». Твои побелевшие глаза, в изнеможении... Я не смогла тебя оттуда увести. Мой любимый, мой дорогой! Я столько мук претерпела. Но самое главное у нас есть, всему вопреки... И ты не уйдешь в небытие. И я также. Это должно было случиться. Ничто не смогло стать препятствием тому, чему позволил свершиться Всевышний.

Любимый друг мой... Душа моя...»

Элиз чувствовала свою вину за все эти срывы, происходящие с ней, считая это недопустимым по отношению к тем, кто находился рядом.

Архив калифорнийской полиции.

Дело № 417.

Из личного дела Элизабет Смит.

11 августа 1999 года поступило заявление о пропаже ребенка – четырехлетнего Джека Дженсли в городе Лос-Анджелес. По предварительным данным, ребенок потерялся на Бульваре Санта-Моники, где он находился со своей сестрой – 13-летней Элизабет Дженсли, которая не могла точно ответить, где забыла своего младшего брата, так как находилась в психологическом шоке от случившегося. К вечеру того же дня полицией города ребенок был благополучно найден, а Элизабет Дженсли стала проходить психологическую реабилитацию. Врач Роджер Бэннет установил, что она винит себя в произошедшем, а не списывает это на непредвиденные обстоятельства. С 1999 года Элизабет находилась под присмотром лечащего врача, так как в периоды острого депрессивного состояния после пережитого стресса к девушке возвращались панические атаки.

– С годами она так и не смогла избавиться от сильного чувства вины. Она винила себя в том, что подсознательно хотела избавиться от своего младшего брата, так как испытывала ревность по отношению к нему. Это был чистый, подростковый, нестабильный возраст, когда ей казалось, что она обделена вниманием, и ее незаслуженно отчитывают по любому поводу.

– Я так не думаю. Это всего лишь ваши догадки.

– Я хорошо знаю эту семью. И я знаю, что Джек не любил Элиз. Уже будучи взрослым, Джек Дженсли всегда старался напомнить своим родным, что он чуть не стал жертвой эгоизма своей старшей сестры. Я с детства знаю Джека Дженсли, и поверьте, он может довести до эмоционального срыва кого угодно. Это был маленький тиран всей семьи. Мне не нравился этот мальчик. С его стороны это было своего рода спекуляцией. С годами самобичевание Элиз по поводу произошедшего случая не исчезло. Из-за страха, что она не сможет быть хорошей матерью и впоследствии причинит вред своему ребенку, она сделала аборт, усугубив тем самым и без того свою нестабильную психику. Элизабет Смит сама прекрасно это понимала и, обвиняя своего мужа Гордона в том, что он не торопился официально оформить их отношения, лишь пыталась сбросить часть своей ноши на близкого ей человека. Мы всегда так делаем, согласитесь. Ей не с кем было поделиться, некому открыть свою душу. Поэтому так часто нам хочется подойти именно к незнакомому человеку и выговориться. Потому что мы его больше не увидим, и нам не будет стыдно за свои откровения, каждый раз встречая, как может показаться, укоризненный взгляд. Разве у Вас никогда не было такого чувства? Вам никогда не хотелось с кем-либо заговорить, при встрече на улице... просто поделиться своим хорошим настроением, или же посетовать на что-то?

– Мне очень приятно с Вами общаться, мистер Дуглас. Мне нравится то, что Вы хотите находить в человеке именно положительные черты. А все плохое, с Ваших слов – это лишь случайное приложение?

– Так оно и есть. Всему есть причина, и не нужно путать какой-то несчастный случай или какое-то непредвиденное обстоятельство с личными проблемами семьи или отдельного индивидуума. Ведь это непредвиденное может нагрянуть, как метеорит, и разрушить все до основания. Нельзя все это мешать.

– Так в чем конкретно была ее проблема? Или это так тонко, что нельзя определить?

– Эмоциональный прессинг, который испытала Элизабет в подростковом возрасте, перерос в фобию – боязнь детей.

– Такое тоже бывает?

– Естественно, мистер Кокс. Многие люди боятся детей, и много трагедий связано с этим. Это очень глубокая психологическая проблема, которая, увы, часто встречается.

– Послушайте... В некотором роде я тоже психолог, и о том, что Вы сейчас говорите, я многое знаю.

– Вы детектив, мистер Санни Кокс, – врач направился к окну в кабинете. – Не знаю, как Вас обучали в спецслужбах, но то, к чему Вы клоните, не есть правда.

– И к чему я клоню?

– Я хочу лишь заострить Ваше внимание на том, что она была человеком, который нуждался в помощи. В добром участии. У нее не было никакого расчета, никаких хитросплетений. Это человек глубоких чувств и очень ранимый. То, что произошло в этом доме, совершенно не связано с их семейными проблемами. Сами они не могли это сделать.

– Вы сами говорили, что она больна.

– Я не имел в виду это. Она бы никогда не причинила вред намеренно.

– И в то же время избавилась от своего ребенка?

– Это делают десятки тысяч женщин, и это проблема нашего общества, мистер Кокс.

– Привет.

– О-о, ты уже приняла душ? – произнес Гордон, протирая быстро стол.

– Ты где был? Я тебя искала.

– Я прогулялся с Лакки. Потом спустился в подвал, – он смотрел то на Элиз, когда отвечал ей, то на стол, вытирая его спешно губкой. – Сейчас я удивлю тебя своим кулинарным искусством, а ты пока располагайся. Я просто не ожидал, что ты так рано проснешься.

– Разве рано? Уже вечер.
– Конечно, рано. Ты ведь долго не спала.
– А что у нас будет? – спросила Элизабет, прислонившись головой к стене.
– Шикарный ужин, от лучшего шеф-повара этого района! – продекларировал громко Гордон.
– Ты же не умеешь готовить.
– Кто тебе это сказал?
– Мой испорченный, после Вашего салата, желудок, – Элиз медленно подходила к мужу, кокетливо заигрывая с ним.
Он поставил стакан на стол, подхватив ее на руки.
– Что ты делаешь, прекрати...
– Зачем? – сказал он, поцеловав ее.
– Ну, Гордон... отпусти меня.
– Ты вкусно пахнешь.
– Я знаю.
– Кто твой наркотик?
– Ты мой наркотик.
Гордон держал ее на руках, а она робко улыбалась ему. Они застыли на мгновение в мертвой тишине...
– Тихо здесь.
Он продолжал на нее смотреть, не говоря ни слова.
– Я... – задумалась она, посмотрев куда-то в сторону. – Отпусти меня, Гордон. Мне надо одеться.
– На твоём месте девушки радуются, когда их держат на руках.
– Можно подумать, ты меня этим часто балуешь.
– Не думаю, что это повод для развода...
– Уже думаешь меня бросить?
– Никогда в жизни! Я с тобой и умереть не боюсь.
– Пока смерть не разлучит нас? – спросила она, улыбаясь в его объятиях.
– Этого никогда не случится. Даже и не мечтай об этом.

Глава 4

Суэта

«Какая она красивая, как мне хочется сейчас ее поцеловать! Нет, не надо. Пускай поспит. Мне нужно взять отгул. Что-то еще нужно было. Только что? Не могу вспомнить. А бог с ним, по пути разберусь. Ну вот, теперь ключи не найду».

Его взгляд наткнулся на брюки, висевшие на стуле около шкафа. Гордон торопливо начал осматривать карманы. Найдя ключи от машины, он случайно уронил их. Раздался дребезжащий металлический звук.

«Все, как на зло» – обернувшись на спящую Элиз, нежно потянувшуюся в кровати, Гордон спустился вниз.

За окном было раннее утро в сероватой мгле. Щенок что-то обнюхивал у калитки дома, игриво виляя хвостиком.

«Кто выпустил его во двор?» – подумал Гордон, с прищуром посмотрев во двор.

Он не выпускал этого проныру утром. Размышлять об этом не было времени.

Готовя себе кофе, Смит спешно вспоминал, что ему предстояло сделать на сегодняшний день.

«Совсем забыл про продукты, – помешивая ложечкой кофе, подумал он. – После работы надо будет поехать в супермаркет. Ладно, там разберусь».

Гордон надел плащ и, взяв со стола сотовый телефон, открыл входную дверь.

– Заходи в дом, псина! Опять ты весь в грязи.

Лакки неохотно поплелся к хозяину.

– Какой же ты неуклюжий. Быстро! – подогнал его Гордон.

Дорожка, выложенная плиткой, блестела после ночного дождя. Земляные черви ползали у порога дома. Мужчина с неприязнью отбросил их ногою, направившись в гараж.

«Откуда они повылазили? Странно. Я думал, для них это уже холодная пора».

Доехав до работы и войдя в офис, Гордон Смит направился в сторону своего кабинета. Словно случайно, с ним столкнулся его коллега Брайан – первый разносчик новостей.

– Привет! Слышал новость?

– Какую?

– Нашим хмырем недовольны свыше.

– Еще как недовольны! – присоединился сотрудник, стоящий напротив. У него было гордое имя Ричард, при этом, поблескивая очками, он крепко пожал руку Гордону, осматривая его с ног до головы, как бы оценивая. – Роджера даже хотят сменить.

– А что, вчера что-то случилось?

– Точно никто не знает... – с ужимками произнес Брайан. – Идет слух о некоторых переменах, и в кандидатах на его место – несколько человек. По-моему, в лидерах ты.

– Да неужели?

– Да, да, – сказал Ричард и продолжил, – они очень тобой заинтересовались, и ты пока один из первых, кого бы хотели поставить на это место.

– Привет, Гордон! О чем вы тут беседуете? – присоединилась к разговору стройная, пышногрудая блондинка, пресс-секретарь офиса.

– О нашем хмыре разговариваем, Кэтрин, – сказал Ричард.

– А... ну, тогда поздравляю, Гордон.

– С чем?

– С новой должностью, – ехидно хихикнула Кэтрин.

– Да бросьте вы.

– Это твой день, Гордон, – Брайан похлопал его по плечу. – Только держи ухо востро, – как бы вскользь прошептал он ему.

– Постойте-ка, кто-нибудь может объяснить мне нормально, что вчера произошло? За что его так?

– По-моему, он даже на двадцать пять процентов не справляется со своей должностью. Плюс ко всему – много ворует, – Брайан широко улыбнулся.

– Кстати, общее, – поправил Ричард.

– Да-а-а, жаль, я не посмотрю на весь этот спектакль.

– Почему? – спросила Кэтрин, посмотрев на Смита.

– Мне надо взять отпуск.

– Ты что, с ума сошел? – возмутилась полногрудая блондинка. – Тебя ведь могут сделать шефом.

– Да, именно, – сказал Брайан. – Если кого-то будут выбирать сотрудники, вернее, если нам дадут такую возможность, я выберу Гордона.

– Все выберем, – Кэтрин кокетливо вильнула упругим задом и как бы невзначай толкнула локтем Брайана.

– Все выберут тебя, Гордон, – сказал Ричард.

– Если честно, мне это место не нужно. Мне надо побыть с женой. Да и сам я устал за это время...

– Ну ты и сказал, – произнес Брайан, бегающим взглядом оглядев коридор. – Не надо сейчас уходить.

– Нет, мне надо, – перебил его Гордон. – Отпуск я возьму всего на неделю.

– Так вот за эту неделю все и решится, – продолжил Брайан. – Ты что, не понял, что речь идет о тебе?

– А что случилось с твоей женой? – спросила Кэтрин.

– Да так, семейные неурядицы. Просто нам надо побыть вдвоем...

– Кэтрин, куда ты пропала? – вдруг позвал один из служащих.

– Что тебе, Майкл?

– Пять листов ксерокса и твоя подпись, черт побери!

– Мне надо идти, парни.

Она смиренно пошла за лысым Майклом, который стоял с выпученными глазами, маленький, с редкими волосами, обрамляющими по бокам его лысую голову. В руках у него была пара листов исписанной бумаги. Напоследок она послала воздушный поцелуй трем парням в белоснежных рубашках и темных галстуках, бурно обсуждающим в коридоре офиса последние новости.

– Классная у нее задница, – причмокнул Брайан.

– Она тебя хочет, Гордон, – Ричард очумело уставился на вихляющий из стороны в сторону зад Кэтрин.

– Да-а-а, явно, – Гордон выдохнул, поправляя галстук.

Все трое засмеялись.

Войдя в свой кабинет, Гордон стал перебирать папки. Складывая деловые бумаги, он подумал: «Видимо, у нашей крысы вчера был непростой денек».

Едва заметная ухмылка промелькнула на его лице.

«Так, до сих пор я только складываю эти бумажки, а еще столько надо успеть. Совсем забыл про те документы в компьютере, надо их переписать по новой. Интересно, как я их допишу, если там работы на два дня? Это просто невозможно... Сегодня надо все закончить», – подгонял он себя.

Сев за компьютер, Гордон задумался, видя перед глазами Элизабет.

«Я уже по ней скучаю. Сейчас бы зарыться в ее локоны и не отпускать ее... Вдохнуть ее аромат... Нет. Не сейчас... Боже, как я ее люблю! Вдруг с ней что-нибудь случится? Я не переживу этого. Нет, не переживу, – подумал Гордон, обхватив руками голову. – Надо все это доделать, а то они меня никуда непустят. Через два дня это все надо будет показать нашим клиентам. Ничего... Постараюсь сейчас с ними разобраться. Помимо этого, что еще нужно будет сделать? Похоже, это все, и я буду свободен».

Гордон лихорадочно перебирал предметы на своем столе и обессилено откинулся на спинку кресла:

«Тогда чего я жду? Нужно поскорее приступить к работе!».

Пробыв за компьютером около четырех часов, не моргнув и глазом, он завершил свою работу.

– Мистер Томас Брайан... Что Вы можете рассказать о Гордоне Смите?

– Мы с коллегами называли его за спиной «наш упрямый живчик». Он работал не покладая рук. Всегда делал больше, чем мог сделать один человек. Честный, целеустремленный, хороший друг.

– О-о-о, сколько положительных качеств! Не слишком ли много для одного?

– Нет, это еще не полный список. Вы просто его не знали. Он очень сильно был верен тем, кто находился с ним рядом. Да, и у него были свои тараканы в голове. В последнее время он был просто неадекватен, отказался от выгодного предложения, и все это на почве переживаний

из-за жены. Она, как вампир, вытянула из него все соки. Хотя я не знаю... Чужая семья – темный лес. Честно говоря, порой меня очень раздражала Элизабет.

– Вы хорошо ее знали?

– Я приезжал к ним в дом, когда они еще жили в городе.

– Она манипулировала им?

– Откуда Вы узнали?

– Это моя работа, мистер Брайан.

– Нет... Конечно же нет... Это нельзя было назвать манипуляцией. Но было такое впечатление, как будто они несут какую-то тяжесть. Что-то угнетало их.

– Вы только что говорили, что это она была виновна в его нервном состоянии. И Вы считаете, что отказ от должности – это неадекватность?

– Послушайте... Вы меня запутали. Я, наоборот, говорю, что он много трудился и работал, как вол, и заслуживал больших высот в своей карьере. Я не понимаю, как это случилось. Он все перечеркнул.

– А если сопереживание к своим близким стоило этого? Вы не подумали об этом? Мне кажется, Вы очень предвзято настроены к его супруге.

– Не понимаю, к чему Вы клоните. Просто я говорю о своих ощущениях. Вы ведь сами просили о доверительном разговоре.

– Томас, Вы больше ничего не хотите мне сказать?

Кокс внимательно вглядывался в его глаза, которые Брайан старался отвести в сторону.

– Мистер Брайан?

– Я не жил с ними под одной крышей. Я был с Вами откровенен.

– Признателен Вам за это, мистер Брайан. Я думаю, мы еще встретимся.

Скопировав все на флеш-карту, Гордон пошел к боссу. Постучав в дверь, за которой находился кабинет его начальника, он услышал знакомую фразу, что была так ненавистна всем:

– Входите. Можно...

Гордон вошел. За огромным столом из красного дерева сидел смуглый человек с коварными глазами. На его лице всегда была ироничная улыбка. От этой натянутой улыбки окружающим становилось не по себе: брезгливое пренебрежение не могло спрятаться за фальшивой любезностью.

– Здравствуйте, мистер Брукс. Я по поводу тех документов, которые нужно было срочно подготовить. Для людей с Пятой авеню, по-моему, – Гордон посмотрел на документы. – Да, я не ошибся.

– Все верно, мистер Смит. Продолжайте, – кивнул головой Роджер Брукс.

– Так вот, я работу закончил, – Смит устало потер костяшки пальцев на правой руке.

– Это очень хорошо. Вы меня удивляете. Вам давалось еще два дня. Присаживайтесь.

Брукс указал рукой на стоявшее напротив него кресло. Гордон, как бы не замечая предложения, продолжал стоять.

– Кстати... возьмите, – он подошел к столу и протянул шефу стопку документов.

– Вы молодец, Гордон. Я люблю таких сотрудников.

Мистер Брукс начал рассматривать бумаги. Его глаза с хищническим прищуром спешно пробежали по строчкам, при этом пальцы его руки отбивали дробь по столу.

– Прекрасно!

Он посмотрел на Гордона.

– Что-нибудь еще?

– Да, – с некой неуверенностью ответил Гордон. – Я хочу взять отпуск.

– Ну, раз Вы выполнили всю работу, мистер Смит, то я не вижу смысла Вас задерживать. На сколько дней Вы хотите взять отпуск?

– Я думаю, недели хватит.

– Хорошо.

Брукс пододвинул к Гордону лист чистой бумаги.

– Тогда Вы сейчас напишите заявление, а я подпишу его. Вот Вам лист и ручка. Садитесь, мистер Смит.

– Может, я – у себя?..

– Нет, можете и здесь. Не будем затягивать.

Гордон, сев напротив начальника, приступил к написанию заявления. Дописав лист, он отдал его Бруксу.

В строгом костюме, как бы всем своим видом стараясь показать свое превосходство, мистер Брукс посмотрел с нескрываемым удовлетворением на бумагу, только что подписанную Гордоном. Это удовлетворение не могло скрыться даже за его коварной улыбкой, постоянной маской, присутствующей на его лице.

– Прекрасно, – в очередной раз произнес он.

«Что за скользкий тип...» – подумал Гордон.

Ему хотелось поскорее выйти из кабинета, как будто он находился в компании с удавом.

– Ну вот и все. Вы можете идти, если больше нет никаких вопросов.

Гордон встал, направившись к выходу.

– До свидания, мистер Брукс.

– До свидания, Гордон. И вот еще что...

Гордон, взявшись за дверную ручку, услышал внезапное обращение.

– Что? – обернулся он.

– Приятного отпуска тебе, – сказал босс, словно своему лучшему другу.

– Спасибо, Роджер.

Гордон Смит никак не ожидал услышать столь приятного пожелания.

Выйдя из кабинета, он попрощался со своими друзьями и направился к машине.

17:02.

– О-о-о, нет! – горькое восклицание непроизвольно вырвалось у него при виде длинной парapiны, проходящей вдоль всей двери его красного «Феррари».

Рядом припаркованной машины уже не было.

– Проклятье, – произнес Гордон и сел в автомобиль.

Он нервно завел машину и поехал в сторону супермаркетов. В его машине Элизабет опять перестроила все на свой лад, начиная от сидения и заканчивая зеркалами. Она была бесцеремонна в этом отношении, хотя ревностно относилась к своему голубому минивэну. У нее были захватнические повадки, и она никак не хотела принять того, что у ее мужа может быть что-то отдельное от нее.

Всю дорогу Гордон думал, чем бы порадовать свою жену сегодня и как отметить начало их выходной недели. Этим он старался отвлечь себя от всех трудностей дня. Исцарапанная машина не выходила у него из головы, мешая сосредоточиться на оставшихся мелочах, которые хотелось завершить. Он пытался придумать изысканный, дорогой подарок, но из-за взвинченного настроения, кроме как букета роз, от которых он не был в восторге, ему ничего не приходило в голову.

Почти доехав до дорогого супермаркета, он увидел ювелирный магазин. Тут же в голову пришла мысль подарить жене что-нибудь из золота.

Он вышел из «Феррари» и направился к сверкающему огнями магазину. Его взору предстала витрина с эксклюзивными украшениями, играющими в свете ярких ламп бриллиантовыми искрами.

Пробыв около часа среди всей этой роскоши, Гордон выбрал дорогой опаловый комплект: кольцо и серьги, сделанные из розового золота и осыпанные бриллиантовой крошкой.

Красные опалы... Они мерцали живым манящим огнем, ревниво оберегающим свою глубинную чистоту, вобравшую в себя отблеск далеких звезд. Казалось, дотронься до него, и он обожжет тебя, оставив незаживающий след.

– Вот это подойдет для моей Элиз, – сказал он продавцу. – Я беру его.

– У Вас очень тонкий вкус, сэр, – одобряюще кивнул тот и упаковал украшения.

Расплатившись и взяв подарок, Гордон в приподнятом настроении направился к машине, стараясь не смотреть на царапину, шрамом проходящую вдоль ее двери. Не забыв в том числе про огромный букет красных роз, он отправился домой. Гордон любил устраивать праздники. Щедрость была главной чертой его характера.

– Щедрость его и подвела. Он никому ни в чем не мог отказать. Широта его души и стала его ахиллесовой пятой, – грубо пошутил Роджер Брукс.

– Вы всегда стараетесь извратить достоинства человека, Роджер? Я знаю, сейчас немодно быть добрым и порядочным...

– Я также много знаю и о Вас, Санни Кокс, – перебил его Роджер.

– И что Вы знаете?

– Ну, земля слухом полнится.

– Я не сомневался в Вас, мистер Брукс. Рад, что меня не подвела интуиция.

– Скажите мне, как человек с криминальным прошлым может работать в полиции? – спросил Брукс с неизменным ехидным прищуром.

– Закаленное железо крепче.

– Ну, ну. Дерзайте, Санни.

– Я с Вами не прощаюсь. Так что позаботьтесь о своей ахиллесовой пяте, – бросил через плечо Кокс, направляясь к выходу.

– О-о-о, все мы люди, все мы грешные. Можно вопрос? А почему Вы принимаете такое участие в судьбе Смит?

Ничего не ответив, Санни захлопнул за собой дверь.

Уже почти у самого дома небеса как будто разверзлись, и хлынул проливной дождь. В этой местности всегда было пасмурно, и дождь срывался совсем неожиданно, не давая погреться теплом редких солнечных дней.

Пытаясь разглядеть дорогу и проехать оставшиеся метры, Гордон едва успел нажать на тормоза, увидев мутный силуэт на своем пути. Перед ним стоял очень крупный и высокий олень с широкими ветвистыми рогами. Исполин застыл, как древнее изваяние, стоя на дороге, словно властный хозяин, не пропускавший на свою территорию чужаков. Его мускулистое тело подрагивало под проливным дождем, блестящие влагой рога привлекали к себе внимание, возвышаясь над ним великолепной короной. Еще более странен был взгляд его влажных глаз, с тревогой всматривающихся в человека.

Дворники отчаянно разгоняли воду на лобовом стекле, с неприятным скрежетом скользя по нему.

– Ну же, иди! – просигналил Гордон, не выдержав ожидания.

Олень, не шевелясь, продолжал смотреть, не отводя взгляда от яркого автомобиля, светом фар пронзающего ливень. Капли дождя слезами скатывались с печальных глаз зверя.

– Чего же ты ждешь? – шепотом произнес Гордон пересохшими губами, в каком-то мистическом страхе он даже приподнялся с сидения, чтобы лучше разглядеть странное явление перед собой.

Постояв еще немного, не реагируя на сигналы автомобиля, зверь направился в сторону леса, скрывшись в зарослях орешника. Отойдя от оцепенения, Гордон завел мотор и продолжил свой путь.

«Я думаю, это хорошая примета. Эта встреча принесет мне удачу», – успокаивал он себя. Забежав в дом, прикрывая подарок намокшим букетом роз, он направился в гостиную. К его ногам, радостно лая, подбежал пес.

– Привет, Лакки!

Гордон Смит первым делом поставил букет в вазу. Шикарные цветы были в капельках влаги, искрящихся на свету, словно бриллианты, которыми было осыпано драгоценное украшение, предназначенное для Элиз. Оставив рядом с вазой опаловый комплект в роскошном кожаном футляре, утомившийся мужчина вошел в ванную комнату, мерцающую под ярким бра изысканным малахитовым цветом.

Глава 5

Эйфория

«Когда я успела заснуть?» – Элиз посмотрела в окно. Закат красиво окрасил небо в розовые тона. Спальня была в полумраке.

«Книга... Сюжет очень тяжел. Мне трудно к ней возвращаться, каждый раз откладывая ее на потом. Я забываю самые главные слова, которые мне хотелось бы в нее записать, и если они уплывут, – это уже будет не моя история. У меня же сейчас на руках всего несколько страниц начала без нужных слов и сюжет без названия, потихоньку теряющий продолжение. Ужасно тяжело близким творческих людей, им нужно ставить памятники. Тяжело постоянно видеть рассеянного человека, вечно бегущего из комнаты в комнату в своих мыслях, агрессивного и неблагодарного...

Почему я всегда берусь за самые сложные идеи, когда вокруг есть столько простого, где просто нужно все расписать и добавить красок? Мне кажется, я не справлюсь в срок. Пора брать себя в руки».

Лакки в веселом возбуждении носился по лестнице вверх и вниз. Она поняла, что ее супруг возвратился. Быстро накинув халат, Элиз направилась к лестнице, ведущей в гостиную.

Рядом с настольной лампой на столе стоял букет роз. Их запах распространился по всему дому.

«Мои любимые. Как он узнал, что я о них думала? Мой ангел».

В хорошем расположении духа, быстро подбежав к цветам, она увидела небольшой футляр в виде красного лепестка у вазы: своим насыщенным цветом кожаный футляр выделялся ярким пятном на темной мебели... как будто лепесток розы, опавший с букета.

«Что это?» – подумала Элиз, осторожно дотрагиваясь до шероховатой поверхности кожи, нежно проводя по ней пальцами.

– Ты уже проснулась, милая? – остановил ее голос мужа.

– Да, дорогой, – ответила она с тихим восторгом, развернувшись к мужу. – Как мило, Гордон! Спасибо.

– Ты о цветах? – спросил он, хитро прищутив глаз.

– Обо всем, – улыбка озаряла ее лицо.

– Так что же в этой коробочке, Элиз?

– Не знаю...

– Давай вместе посмотрим? – с детским задором продолжил он.

– Давай! – стала подыгрывать ему Элиз.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.